

Исторические сенсации

Алексей Кунгуров

**Секретные протоколы,
или Кто подделал пакт
Молотова – Риббентропа**

«Алисторус»

2009

Кунгуров А. А.

Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова
– Риббентропа / А. А. Кунгуров — «Алисторус»,
2009 — (Исторические сенсации)

Книга посвящена исследованию проекта американских спецслужб по внедрению в массовое сознание мифа о существовании неких секретных протоколов, якобы подписанных Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 г. одновременно с заключением советско-германского Договора о ненападении. Тема рассмотрена автором в широком ключе. Здесь дан обзор внешнеполитической предвоенной ситуации в Европе и причины заключения Договора о ненападении и этапы внедрения фальсифицированных протоколов в пропагандистский и научный оборот. На основе стенограмм Нюрнбергского процесса автор исследует вопрос о первоисточниках мифа о секретных протоколах Молотова-Риббентропа, проводит текстологический и документоведческий анализ канонической версии протоколов и их вариантов, имеющих хождение. Широкому читателю будет весьма интересно узнать о том, кто и зачем начал внедрять миф о секретных протоколах в СССР. А также кем и с какой целью было выбито унижительное для страны признание в сговоре с Гитлером. Разоблачены потуги современных чиновников и историков сфабриковать «оригинал» протоколов, якобы найденный в 1992 г. в архиве президента РФ. В книге даны и портреты основных пропагандистов этого мифа (Яковлева, Вульфсона, Безыменского, Херварта, Черчилля). Автор показывает связь между иностранными спецслужбами и современными процессами в Прибалтике и Бессарабии.

© Кунгуров А. А., 2009

© Алисторус, 2009

Содержание

Пролог	6
Договор	9
Протокол	21
Гальдер	34
Молотов	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Анатольевич Кунгуров

Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова – Риббентропа

Он наполнил бокалы и поднял свой.

– Итак, за что теперь? – сказал он с тем же лёгким оттенком иронии. – За посрамление полиции мыслей? За смерть Старшего Брата? За человечность? За будущее?

– За прошлое, – сказал Уинстон.

– Да, прошлое важнее, – веско подтвердил О'Брайен.

Джордж Оруэлл, «1984».

Пролог

24 декабря 1989 г., Москва, Кремлевский Дворец съездов. На II Съезде народных депутатов СССР прораб Перестройки Александр Яковлев зачитал «Сообщение комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Этот документ часто именуют просто докладом Яковлева. 24 февраля 1990 г. на выборах в Верховный Совет Литовской ССР большинство мест получают кандидаты, поддержанные «Движением за перестройку» («Саюдис»). 11 марта 1990 г. новый состав Верховного Совета республики провозглашает независимость Литвы. Союзное правительство в Москве отказалось признать независимость республики и начало экономическую блокаду Литвы, которая показала свою безуспешность и была отменена в июле. Литовское и союзное правительства начали переговоры.

Противники независимости, члены литовской компартии, оставшейся на платформе КПСС после раскола КПЛ и создавшие «Комитет национального спасения» во главе с Миколасом Бурокаявичюсом¹, встали в оппозицию к сепаратистам. 13 января 1991 г. в Вильнюс были введены войска. Вопрос о непосредственном инициаторе войсковой операции остается открытым, президент СССР и главнокомандующий Михаил Горбачев публично заявил 14 января, что узнал о ней из газет, придерживается он этой позиции и поныне. В тот день возле телебашни в Вильнюсе погибло 14 человек, в том числе боец группы «Альфа» лейтенант Виктор Шатских. Суд по факту этих смертей в Литве длился в общей сложности более 6 лет, однако вину советских военнослужащих в убийстве мирных жителей доказать не удалось. Кем был убит спецназовец КГБ, установлено не было.

Но открывшиеся позже факты говорят о том, что они стали жертвами боевиков «Саюдиса». Например, из тела одного убитого мужчины была извлечена пуля, выпущенная из винтовки системы Мосина, давно снятой с вооружения Советской Армии. Вскоре появилось косвенное подтверждение того, что это убийство совершено литовскими боевиками. В марте 1991 г. литовский журнал «Karys» опубликовал фото, на котором запечатлены «защитники демократии» с мосинскими трехлинейками в руках. Бывший председатель Комитета по национальной безопасности Литовского сейма Витаутас Пяткявичюс дал на суде показания о том, что в ту ночь около 20 боевиков-саюдистов были посажены на крыши соседних домов, откуда они стреляли вниз по толпе людей у подножия телебашни, но его заявление было проигнорировано.

¹ Миколас Бурокаявичюс – первый секретарь Коммунистической партии Литвы, входящей в КПСС. В 1994 г. похищен литовскими спецслужбами на территории Белоруссии, тайно доставлен в Литву и брошен в тюрьму, где провёл 12 лет.

Якобы раздавленное танком тело мирного обывателя оказалось на поверку со следами автомобильной аварии. Ни одного свидетеля наезда танка на человека найти не удалось, несмотря на то, что это, якобы, произошло на глазах многочисленной толпы. Телецентр был взят войсками под контроль, но сторонники независимости Литвы образовали «живой щит», закрывший здание литовского парламента. Армия не стала штурмовать здание Верховного совета. Вильнюсская бойня спровоцировала всплеск сепаратистского движения во всей Прибалтике. Москва потерпела жесточайшее моральное и политическое поражение.

На референдуме, проведенном в феврале 1991 г., более 90 % его участников (около 84 % избирателей) проголосовало за выход Литовской республики из состава СССР. 19–21 августа 1991 г. в Москве происходят события, получившие название путча ГКЧП. В результате путча союзное правительство фактически полностью утрачивает власть, которую концентрируют в своих руках республиканские руководители. 1 декабря на Украине прошли выборы президента и референдум о независимости, на котором за независимость Украины высказалось 90,32 % участников голосования². 5 декабря новоизбранный президент УССР Леонид Кравчук объявил, что Украина денонсирует договор 1922 г. о создании СССР. 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще происходит соглашение между президентами Российской Федерации Ельциным, Украины – Кравчуком и председателем Верховного совета Белоруссии Шушкевичем об объявлении договора 1922 г. о создании СССР недействительным. Юридически это было абсурдно, так как договор 1922 г. был поглощен конституцией 1924 г., а для пересмотра Конституции предполагался совсем другой порядок.

Ельцин немедленно сообщил о происшедшем президенту США Джорджу Бушу и заручился обещанием международного признания акта о ликвидации СССР. 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал постановление о выходе республики из состава СССР («за» – 161 депутат, «против» – 3, воздержались – 9). Юридически это решение было ничтожно, и даже не потому, что для его принятия отсутствовал кворум, а результаты голосования были грубо сфальсифицированы. Верховный совет вообще не имел права рассматривать вопрос о выходе РСФСР из состава Советского Союза, поскольку высшей силой обладало решение народа России, принятое на референдуме 17 марта 1991 г., когда подавляющее большинство избирателей высказались против раздела СССР. Тем не менее 25 декабря Михаил Горбачев сложил с себя полномочия президента, и Советский Союз прекратил свое существование.

Спрашивается, какое значение на фоне столь масштабных событий имел доклад Яковлева, зачитанный на Съезде народных депутатов, и касающийся событий полувековой давности? Как обнародование подробностей договора о ненападении между Советским Союзом и Германией, подписанное в августе 1939 г., могло повлиять на текущую политику? На самом деле этот акт имел громадное значение. Тот, кто знаком с технологиями управления толпой, знает, что контроль над историческим сознанием масс дает колоссальную власть над ними. Тот, кто способен изменить прошлое, – тот и формирует будущее. Можно прибегнуть к такой метафоре: история – это руль корабля. Руль находится на корме, но нос судна смотрит только в ту сторону, куда поворачивается руль.

Многих моих соотечественников, контактирующих с иностранцами, часто шокирует, насколько они обладают стерилизованными представлениями о прошлом даже своих стран, не говоря уж о мировой истории. Многие испанцы не знают, кем был генерал Франко. Американцы совершенно не в курсе, что штат Калифорния отторгнут Соединенными Штатами у Мексики в ходе захватнической войны 1846–1848 гг. Ну, янки – это вообще случай клинический. Некоторые опросы показывают, что каждый пятый житель США уверен, будто атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки сбросили русские. И эта кастрация исторической памяти вовсе

² Референдум прошел с массовыми нарушениями, против сторонников сохранения СССР проводились акции устрашения и прямого насилия, тем не менее большинство действительно высказались за выход Украины из состава Советского Союза.

не случайна. Богатые страны способны потратить достаточно средств на образование своих граждан, однако на деле громадные деньги тратятся именно на стерилизацию их мышления. Элитам нужно манипулируемое быдло, а не народ – носитель политической воли. Уничтожение исторической памяти преследует именно эту цель – лишение народа политической воли и этнической идентичности, превращение его в атомизированную массу потребителей, легко поддающуюся манипулятивному воздействию. Джордж Оруэлл вовсе не выдумал министерство правды, переделывающее прошлое, в своем знаменитом романе «1984», он просто срисовал его с натуры.

Цель, которую преследовали перестройщики и их закордонные вдохновители, – уничтожение СССР. Сделать это можно было двумя путями: либо путем вооруженного насилия извне, либо следовало сформировать разрушительные силы внутри советского государства. Первый путь в отношении ядерной державы, конечно, был неосуществим. Поэтому враг сделал ставку на создание сепаратистских движений в национальных республиках Советского Союза. Ведущая роль отводилась трем прибалтийским республикам – Литве, Латвии и Эстонии. Для мобилизации масс под знамена сепаратистов нужна была мощная идея, возбуждающая ненависть к русским. Таким мобилизующим фактором стал миф о вероломной оккупации прибалтийских стран Советским Союзом в 1940 г. Базировалась эта установка на другом мифе – о подлом сговоре между Гитлером и Сталиным, которые, якобы в августе 1939 г. цинично «распилили» Восточную Европу. Этот миф был, кроме всего прочего, направлен на раскол советско-польского послевоенного содружества и, как следствие, развал всего военного блока Варшавского Договора. Таким образом, созданию мифа о сговоре двух диктаторов накануне Второй мировой войны и внедрению его в массовое сознание придавалось стратегическое значение.

Договор

Сговор был выражен якобы в Договоре о ненападении между двумя державами, подписанном в Москве 23 августа 1939 г. министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом и председателем советского правительства и по совместительству народным комиссаром иностранных дел Вячеславом Михайловичем Молотовым. В историю дипломатии этот договор вошел под нарицательным именем «Пакт Молотова – Риббентропа», что существенно искажает его суть. Сам по себе этот межгосударственный договор не может быть признан враждебным какой-либо третьей стране или преступным, договор о ненападении Германия имела со многими странами, в том числе с Великобританией, Францией, Польшей. Вот текст советско-германского договора, опубликованный в советской прессе 24 августа 1939 г.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Правительство СССР и Правительство Германии Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

*По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп*

(Газета «Известия», за 24 августа 1939 г.).

Договор ратифицирован Верховным Советом СССР и Рейхстагом Германии 31 августа 1939 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в Берлине 24 сентября 1939 г. Как видим, ни о каком разделе Восточной Европы речь здесь не идет. Единственным отступлением от норм, принятых советской дипломатией, было отсутствие положения о том, что договор может быть расторгнут одной стороной в случае, если другая сторона совершит агрессию против третьей страны. Но стоит заметить, что подобная щепетильность была тогда совсем не в духе мировой дипломатии (да и сегодня тоже). Поэтому заявлять, что Советский Союз таким образом «косвенно способствовал» развязыванию войны в Европе, совершенно недопустимо. Второй нюанс, который обращает на себя внимание, – пункт о том, что договор вступает в силу немедленно, а не после ратификации парламентами двух стран (включен по настоянию германской стороны). Впрочем, это формальность, никто не сомневался в том, что договор будет ратифицирован и Рейхстагом и Верховным Советом.

Однако некоторые пропагандисты заходят настолько далеко, что утверждают, будто СССР не просто «косвенно способствовал» германской агрессии, а инициировал ее, дав санкцию Гитлеру на вторжение в Польшу. Мол, если бы Сталин не стал заключать договор с Гитлером, тот бы не посмел напасть на поляков. Подобные доводы совершенно голословны. Отдавая в апреле 1939 г. приказ на разработку плана «Вайс», Гитлер со Сталиным не консультировался и разрешения у него не спрашивал.

В ситуации разворачивающегося германо-польского кризиса у Советского Союза было несколько вариантов действий:

- а) создать антипольскую коалицию с Германией;
- б) заключить соглашение о военном сотрудничестве с Польшей;
- в) присоединиться к англо-французским гарантиям в отношении Польши, на что опять же необходимо было получить согласие Варшавы;
- г) сохранять нейтралитет, преследуя исключительно собственные интересы.

Вопрос об альянсе с Германией никогда не ставился в повестку дня. Если бы СССР напал на Польшу совместно с Германией, то Англия и Франция могли объявить ему войну, чего Москва совершенно не желала. Польша, как известно, наотрез отказалась заключать какие-либо военные соглашения с Советским Союзом. Речь даже не шла о взаимных обязательствах, Советский Союз предлагал Польше одностороннюю и бескорыстную военную помощь в случае немецкого вторжения. Если немцы нападут на Польшу, Франция, связанная договором с Польшей, объявит войну немцам, а Польша должна предоставить союзнику Франции – СССР – узкий коридор, чтобы Красная Армия могла войти в боевое соприкосновение с немцами.

Задним числом историки сегодня объясняют польское упрямство страхом, который они якобы испытывали перед большевистскими ордами. Мол, войдя в Польшу под благовидным предлогом, Советы оккупируют страну, после чего замирятся с немцами. Но гарантом против этого выступали Франция и Англия. Они, в конце концов, могли первыми замириться с немцами и организовать совместный поход против нас, так что советская сторона в этом смысле рисковала куда более Польши. Такой вариант развития событий был для СССР еще хуже по последствиям, чем военный союз с Гитлером. Насчет того, что поляки боялись Советскую Рос-

сию, – это, конечно, полная чушь. Уж так они боялись, что предвоенные годы их генштаб составлял «оборонительные» планы, целью которых был выход Польши к Черному морю и включение в состав Великой Речи Посполитой Правобережной Украины. Так или иначе, но Варшава решительно отвергла все советские инициативы. Известна пафосная фраза, брошенная министром иностранных дел Польши Беком по этому поводу: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими – нашу душу».

Да, такая вот загадочная польская душа. Историческая действительность состоит в том, что поляки, как этнос (с их пресловутой душой), сохранились именно благодаря России. После ликвидации Польши Венским конгрессом 1815 г. польские земли (именно автохтонные польские территории) были поделены между Россией, Австрией и Пруссией. На попавших под власть немцев землях не то что польской автономии не существовало, но и проводилась довольно настойчивая германизация. Польский язык стремительно исчезал из повседневного оборота, особенно в городах, лютеранство постепенно вытесняло традиционное для поляков католичество, а уж о такой роскоши, как польский университет, они не могли даже мечтать. Кстати, среди немцев до сих пор часто мелькают польские фамилии. Во время Второй мировой войны некоторые немецкие генералы, даже состоящие в СС, имели польское происхождение (поляками они себя, разумеется, не считали). Например, подавлением варшавского восстания в 1944 г. руководил генерал СС Эрих фон дем Бах-Целевски, открыто признававший свои шляхетские корни.

В составе Российской империи с 1815 г. находилось Царство Польское со своей армией, национальной администрацией, денежной единицей, Конституцией (сама Россия не имела тогда Конституции, являясь абсолютной монархией). Налоги в русскую казну поляки не платили, таможенные пошлины на ввоз товаров из Польши отсутствовали, чем повсюду пользовалось тамошнее купечество, наживаясь на торговле европейским импортом. При этом расходы на содержание польской армии несла российская казна. Единственным «ущемлением» польского правительства было то, что оно не имело возможности самостоятельно проводить внешнюю политику – этот вопрос полностью находился в компетенции русского царя Александра, который являлся так же и польским королем.

Правда после двух шляхетских восстаний польские вольности были существенно урезаны, однако даже после упразднения Царства Польского и переименования его в Привислинский край там не проводилась политика русификации или религиозного ущемления (обращения поляков в православие никогда не практиковалось). В делопроизводстве применялся польский язык, русский не преподавался в обязательном порядке в школах, католики пользовались всеми правами граждан империи, а вот от некоторых обязанностей, например, воинской повинности, были освобождены. Если уж, согласно советским штампам, считать Российскую империю тюрьмой народов, то в этой тюрьме два народа – польский и финский по тюремным понятиям были блатными, то есть имели привилегированное положение. Впоследствии именно 10 польских губерний в составе России стали ядром восстановления независимой Польши в 1918 г.

В этой связи многие исследователи совершенно не в силах понять фанатическую польскую русофобию 20–30-х годов, считая ее либо проявлением дикого иррационализма польской элиты, либо гипертрофированным выражением антибольшевизма. Польский антибольшевизм, кстати, выглядит столь же иррациональным, как и русофобия, если учесть, что именно большевики выступали за независимость Польши еще до 1917 г., а после взятия власти они с готовностью признали ее независимость.

На самом деле польская ненависть к Советскому Союзу имеет вполне очевидное объяснение. Поляки в версальской Польше составляли чуть более 40 % населения, остальные были украинцами, белорусами, евреями и немцами. Более 13 миллионов человек проживали на территориях, захваченных Польшей в ходе советско-польской войны 1920 г. При этом Польша

была ярко выраженным расистским государством. Все «нетитульные» народы страны подвергались жестокому политическому, экономическому, религиозному и культурному угнетению. К середине 1930-х годов украинские и белорусские школы были ликвидированы. Для устрашения национальных меньшинств, сопротивляющихся полонизации восточных окраин Речи Посполитой, был даже создан концлагерь в Березе Картузской.

В этой связи шляхта, действительно, как огня боялась пропустить Красную Армию даже по узким коридорам, поскольку это могло спровоцировать мощные антипольские выступления в Западной Белоруссии и Западной Украине. Собственно, так и произошло в сентябре 1939 г, когда белорусы и украинцы начали стихийно расправляться с ненавистными осадниками и полицейскими. В городах происходили восстания, в которых ведущую роль играли коммунисты. То, что польская армия с первых же дней немецкого вторжения обратилась в бегство, так и не дав интервентам сколь-нибудь значимого сражения, тоже можно считать результатом расистской политики Варшавы по отношению к большей части своих подданных. Как могла армия стоять насмерть, если половина ее солдат ненавидела польское государство? Белорусские хлопцы в сентябрьские дни 1939-го весело распевали частушку:

Вы ня думайце, палякі,
Вас ня будзем баранць,
Мы засядзем у акопах
І гарэлку будзем піць.

Я говорю об этом только для того, чтобы стало понятно, почему польское правительство ни при каких обстоятельствах не могло пойти на военное сотрудничество с СССР. Это действительно ставило под угрозу польскую государственность, однако причины состояли во внутренней несостоятельности «уродливого детища Версальского договора», как охарактеризовал тогдашнюю Польшу Вячеслав Молотов, а не в «имперском экспансионизме» Москвы.

Советское правительство неоднократно выступало с предложениями по созданию в Европе коллективной системы безопасности. Даже после Мюнхена. Даже зная о том, что Англия явно науськивает Германию на СССР. 15 марта, в день оккупации немцами Чехословакии, нарком иностранных дел Литвинов предложил созвать конференцию шести держав с целью обсудить меры по предотвращению дальнейшей гитлеровской агрессии. Английский премьер-министр Нэвилл Чемберлен назвал это предложение преждевременным. 17 апреля Литвинов предложил подписать трехстороннюю военную конвенцию о взаимопомощи между Англией, Францией и Советским Союзом. К этому альянсу могла бы при желании присоединиться и Польша.

Что же такого ужасного и неприемлемого предложили коварные большевики лидерам демократического Запада? Оцените пункты советской конвенции:

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ВРУЧЕННОЕ НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР М. М. ЛИТВИНОВЫМ
ПОСЛУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СССР У. СИДСУ**

17 апреля 1939 г.

Считая предложение Франции принципиально приемлемым и продолжая мысль г. Бонне, а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами, мы пытаемся объединить английское и французское предложения в следующих тезисах, которые мы предлагаем на рассмотрение британского и французского правительств:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5–10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется, как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи³.

Но даже этот договор о намерениях, без каких либо конкретных обязательств по отношению к СССР, не был подписан. Как заявил 26 апреля на заседании английского правительства министр иностранных дел лорд Галифакс, «время еще не созрело для столь всеобъемлющего предложения» (нужда, время созрело, когда люфтваффе стало бомбить Лондон). Английское правительство демонстративно тянуло с ответом до 8 мая и ответило на советскую инициативу отказом. 31 мая глава правительства Вячеслав Молотов (по совместительству наркоминдел после отставки Литвинова 3 мая), выступая в Верховном Совете СССР, повторил ранее сделанные предложения Англии и Франции (трехсторонний договор о взаимопомощи, гарантии малым государствам, военная конвенция). Но при этом глава советского внешнеполитического ведомства отметил, что СССР не избегает сотрудничества и с другими странами, в частности с Германией и Италией. Этот пассаж с благосклонностью был встречен в Берлине, где уже начали подумывать о сближения с Советским Союзом в свете обострения германо-польских отношений.

Намёк на это прозвучал из уст генерального секретаря ЦК ВКП(б) Иосифа Виссарионовича Сталина еще 10 марта 1939 года на XVIII съезде ВКП(б). Впоследствии эта сталинская речь, названная на Западе речью о жареных каштанах, получила широкую известность, и иные историки пытаются представить, как инициативу советской стороны по сближению с Германией. Однако никаких реальных последствий выступление Сталина не имело.

В конце мая на фоне некоторого потепления советско-германских отношений забеспокоившиеся англичане и французы, наконец, согласились обсудить поставленные Москвой вопросы. С советской стороны возобновившиеся 15 июня переговоры вел Молотов, с англо-французской – дипломаты второстепенных рангов, что воспринималось советским руководством как свидетельство несерьезного отношения западных партнеров к переговорам. Вялотекущие политические консультации велись в общей сложности с 10 апреля до конца июля 1939 г., но закончились фактически ничем. 2 августа СССР заявил, что будет вести полити-

³ АВП СССР, ф. 06, оп. 1 а, п. 25, д. 4, л. 27–28. Цит. по: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в двух томах.

ческие переговоры только после достижения военного соглашения. Англия и Франция были вынуждены послать военную делегацию, дабы не предстать в глазах мировой общественности виновниками срыва переговоров. Однако, не смотря на настойчивые просьбы СССР прислать делегацию самолетом, англичане не сочли нужным спешить, и переговорщики отплыли из Лондона 5 августа пассажирско-грузовым пароходом, прибыв в Москву через Ленинград только 11 августа. При этом они прислали в Москву в качестве главы делегации второстепенного чиновника МИД Стрэнга, а в качестве представителя Генштаба – генерала Дракса, имевшего в то время небольшой вес в военном руководстве. Для сравнения: на переговоры в Польшу незадолго до этого летал начальник британского Генерального штаба генерал Айронсайд, а Чемберлен в течение нескольких предшествующих месяцев трижды лично прилетал на встречу с Гитлером.

12 августа начались переговоры, которые советской стороны вел нарком обороны Климентий Ефремович Ворошилов, что подчеркивало значение, которое советское правительство придавало вопросу общеевропейской безопасности. Французы были настроены более благоприятно, чем англичане (еще бы, ведь Германию от Франции отделял лишь пограничный шлагбаум, а не море!) но находились в полной зависимости от Лондона во внешнеполитических делах. Ворошилов поставил перед англо-французами ряд конкретных вопросов, на которые они не смогли дать внятных ответов, так как не имели полномочий на ведение полномасштабных военных переговоров. СССР даже раскрыл план развертывания своих вооруженных сил, согласно которому против Германии должны были действовать до 136 дивизий. Представители Англии и Франции не предоставили подобных планов.

Через день был поднят вопрос о пропуске Красной Армии через территорию Польши по виленскому и галицийскому коридорам – без чего, по мнению советской стороны, не могла быть отражена возможная германская агрессия. На этом переговоры зашли в тупик, потому что Польша наотрез отказалась рассматривать такой вариант, а Франция не смогла (или не захотела) убедить поляков согласиться на военную помощь СССР. Уильям Ширер, автор широко известной книги «Взлет и падение Третьего рейха» классифицирует такое поведение поляков как «непостижимую глупость», что является по сей день общепринятой точкой зрения. Какова же была реальная причина польской русофобии, мы уже рассмотрели выше.

В целом англо-французы были не против создания коалиции, но пытались свести дело к тому, чтобы не иметь прямых обязательств по отношению к Советскому Союзу, который был обязан прийти на помощь «союзникам» в любом случае. 17 августа Ворошилов временно прервал переговоры и объявил, что дальнейший их ход зависит от ответа Англии и Франции на поставленные советской военной миссией принципиальные вопросы, прежде всего о пропуске советских войск Польшей. Он предупредил, что, если в течение двух дней ответы получены не будут, переговоры придется прекратить окончательно. В указанный срок ответа не последовало. 21 августа западные делегации предложили отложить заседание ещё на 3–4 дня. В ночь на 24 августа был подписан советско-германский договор о ненападении. Советское руководство выступило с заявлением, что данный факт не является препятствием для заключения соглашения о взаимопомощи с другими странами, но английская и французская делегации, убыв на родину «для консультаций», в Москву уже не вернулись.

Антисоветски настроенные историки пытаются представить дело так, что СССР вел переговоры с Западом для вида, лишь для того, чтобы использовать их как ширму и средство давления на Германию для скорейшего заключения «сговора». В качестве аргумента неизменно приводится тот факт, что 11 августа – в день прибытия в Москву англо-французской делегации, Политбюро приняло решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин». Но, во-первых, советская сторона настаивала на заключении именно торгового соглашения с Германией, без чего отказывалась серьезно обсуждать иные вопросы. Во-вторых, если Москва еще только известила немцев о желании вступить в

контакт, то в Лондоне в это время уже вовсю шли англо-германские переговоры о разделе мира! Англия готова была признать страны Юго-Восточной Европы сферой государственных интересов Германии, а также предоставить рейху доступ к эксплуатации африканских колоний. Однако немцы, не доверяя англичанам, отклонили их предложения. К тому же в колониях они, вопреки расхожему мнению, не нуждались. Советское правительство знало об этих переговорах, и даже получило по каналам внешней разведки некоторые подробности, что, безусловно, подтолкнуло к активизации переговорного процесса с Германией и убедило в несерьезности намерений Великобритании в отношении военного сотрудничества с Советским Союзом. Усугубляло ситуацию и то, что правительства западных стран начали вводить эмбарго на поставку в СССР определенных видов товаров и промышленного оборудования.

Итак, военного союза с Германией советское правительство не желало, а западные державы (прежде всего Великобритания) не желали брать какие-либо взаимные военные обязательства перед СССР. Польша категорически отвергала даже односторонние военные гарантии Москвы в случае германской агрессии. Румыния так же отказалась пропустить советские войска через свою территорию. Оставался последний вариант – нейтралитет. Некоторые исследователи считают, что договор с Гитлером означал для Москвы выбор меньшего зла, то есть Советскому Союзу они отводят роль объекта, а не субъекта большой политики. Нет, речи об уступках кому-либо не шло. Уж если СССР занял нейтральную позицию, преследуя исключительно собственные национальные интересы, то и заключение договора о ненападении было нашей стране выгодно – Германия очень щедро заплатила за него, к тому же авансом. Изначально немецкая дипломатия рассчитывала лишь на совместную декларацию о неприменении силы друг против друга. Однако 15 августа в ответ на послание министра иностранных дел Германии Риббентропа, в котором тот выражал готовность лично приехать в Москву для выяснения германо-советских отношений, Молотов предложил заключить договор о ненападении, но непременным условием поставил заключение широкого торгового соглашения. 19 мая 1939 года в Берлине это соглашение было подписано. Газета «Правда» 21 августа сообщила по этому случаю следующее:

«19 августа после длительных переговоров, закончившихся успешно, в Берлине подписано Торгово-Кредитное Соглашение между СССР и Германией. Соглашение подписано со стороны СССР – зам. торгпреда Е. Бабариным, а с германской стороны – г. Шнурре. Торгово-Кредитное Соглашение предусматривает предоставление Германией СССР кредита в размере 200 миллионов германских марок, сроком на семь лет из 5 % для закупки германских товаров в течение двух лет со дня подписания Соглашения. Соглашение предусматривает также поставку товаров со стороны СССР Германии в тот же срок, т. е. в течение двух лет на сумму в 180 миллионов германских марок».

По этому кредиту Сталин потребовал от Германии не ширпотреб, а ценное промышленное оборудование для нужд военной промышленности, передовые технологии и вооружение(!). Когда Германия, скрепя сердце, согласилась удовлетворить столь обширные советские требования, СССР подписал с ней 23 августа 1939 г. Договор о ненападении. Он был нужен именно Германии, Советскому Союзу он никаких гарантий не давал. Советская же сторона получила взамен поставки (прежде всего военные), важность которых трудно переоценить в свете приближающейся войны.

Критики этого соглашения через полвека пытались обосновать мысль, что заключение договора о ненападении принесло нашей стране только вред, поскольку-де усыпило бдительность и позволило Германии внезапно напасть на СССР и нанести катастрофические потери Красной Армии. Мнение это широко распространено, но ничем не обосновано. Факты показывают, что именно с августа 1939 г. в Советском Союзе разворачивается форсированное воен-

ное строительство – за два года РККА увеличила свою численность почти втрое. 1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял закон о всеобщей воинской обязанности. Одновременно проводилась широкая программа по техническому переоснащению армии. На утрату бдительности и самоуспокоение это никак не походит. Критики Сталина неизменно указывают на его подозрительность даже по отношению к ближайшим соратникам, однако при этом делают абсурдные заключения о том, что Гитлеру он верил. Никаких фактов, прямо свидетельствующих о доверии Сталина к немецкому диктатору, критики не приводят, а свидетельства обратного старательно игнорируют. В результате эта концепция получается довольно хлипкой и используется ныне лишь в сфере пропаганды, оставаясь за рамками серьезной научной дискуссии.

Наконец последний аргумент критиков заключается в «аморальности» самого факта заключения каких-либо сделок с Гитлером. Если принять такую точку зрения, то придется объявить аморальной саму дипломатию, которая апеллирует лишь к целесообразности и выгоде. Напротив, СССР перед войной пытался проводить открытую политику, чего другие державы старательно избегали. Например, политические англо-франко-советские переговоры весной-летом 1939 г. зашли в тупик из-за нежелания Англии и Франции принять советское определение понятия «косвенная агрессия», при котором союзные обязательства вступали в силу. В советском варианте она определялась следующим образом: *«Выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств [страны, пограничные с СССР, а также Бельгия и Греция] соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон».*

Это было расценено англо-французами как требование СССР предоставить ему возможность по желанию и под любым предлогом вводить свои войска в соседние страны, прежде всего прибалтийские республики. Повышенное внимание советской стороны к Прибалтике было отнюдь не случайным. Как выяснилось в ходе переговоров, западные державы не намерены давать гарантий безопасности Литве, Латвии и Эстонии, что в Москве расценили как явный намек Гитлеру на маршрут, по которому тому следует направить свою экспансию. Хочу напомнить, что в то время Германия имела с Литвой общую границу, и потому гипотетически могла атаковать СССР через Прибалтику даже в обход Польши.

Со своей стороны западные партнеры предлагали такой вариант договора, при котором наличие «косвенной агрессии» устанавливалось лишь после трехсторонних консультаций. Вот и скажите, кто в данном случае вел себя аморально? СССР хотел честно предупредить малые страны, что их добровольное содействие военным устремлениям Германии или подчинение ей под давлением будет расценено как агрессия и неминуемо приведет к ответным мерам. Таким образом, правительства этих стран получали возможность адекватно оценивать последствия своих сношений как с Германией, так и с ее политическими противниками. Англо-французы же не желали формулировать четкие критерии вступления в силу союзных обязательств, оставляя этот вопрос исключительно на свое усмотрение. Мол, захотим – признаем Грецию косвенным агрессором всего лишь за поставку оливкового масла в Германию, потому что оно идет в пищу немецких солдат.

Наконец, западные «демократии» отнюдь не считали аморальным оккупировать нейтральные или даже союзные страны, если видели в этом необходимость. Гитлер предпринял 9 апреля 1940 г. вторжение в Норвегию с целью противодействовать оккупации этой страны Великобританией. Но ведь Норвегия даже косвенно не поддерживала немцев, следовательно, никакого морального и правового обоснования английской интервенции быть не могло. Хотя не буду спорить, что военная целесообразность в этом имелась. В 1944 г. англичане оккупировали Грецию – своего союзника по антигитлеровской коалиции и спровоцировали там граж-

данскую войну. Какими моральными принципами это можно обосновать? Поэтому позицию западных «демократий» по вопросу определения косвенной агрессии на московских переговорах нельзя охарактеризовать иначе как лицемерную.

С конца 80-х годов в СССР ведется мощная пропагандистская работа по дискредитации советско-германского Договора о ненападении, а в более широком смысле – сталинской внешней политики. Основной аргумент ревизионистов (особенно усердствует в этом секта резунистов) заключается в том, что Германия была не в состоянии напасть на СССР в 1939 г., а потому не было нужды заключать соглашение с Гитлером. За два года после заключения договора германский военный потенциал вырос многократно, и потому в 1941 г. соотношение сил стало менее выгодно Советскому Союзу, чем в 1939-м. Таким образом, критики дезавуируют основной аргумент своих противников о том, что двухлетняя мирная передышка нужна была нашей стране для подготовки к большой войне. Мол, это Гитлер получил передышку на Востоке и воспользовался ею более эффективно, нежели Сталин.

Критики упускают, причем сознательно, тот факт, что военный потенциал измеряется не количеством дивизий, танков и самолетов, а прежде всего способностью страны произвести танки и самолеты, быстро мобилизовать и вооружать новые дивизии. В этом смысле к 1941 г. военная мощь СССР увеличилась гораздо более, нежели возрос военный потенциал Германии. Ведь немцы уже в 1939 г. имели те образцы вооружения, которые использовали вплоть до конца войны. А у нас в августе 1939 г. не было ни Т-34, ни КВ. Современные истребители, способные на равных противостоять Ме-109, еще только проектировались, так же как и знаменитый впоследствии штурмовик Ил-2. Легендарная «катюша» и грабинская 76-миллиметровая пушка ЗИС-3 существовали тогда лишь на бумаге, на вооружении Красной Армии не было ни единого автомата. Да и промышленность была не готова дать новейшие образцы оружия в необходимых количествах.

За считанные месяцы перед войной на вооружение были приняты десятки новых образцов боевой техники, заводы смогли освоить их массовое производство. В чем, кстати, немцы, скрипя зубами, очень помогли товарищу Сталину. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться со списком тех товаров, которые Германия поставила Советскому Союзу в обмен на зерно, сырую нефть, пеньку и железную руду – например, бомбардировщики люфтваффе в небе над Москвой сбивали зенитки, произведенные на заводах «Шкода». Немцы ввели всеобщую воинскую обязанность в 1935 г., и за четыре года подготовили неплохой мобилизационный резерв для своих вооруженных сил. В СССР же закон о всеобщей воинской обязанности был принят лишь 1 сентября 1939 г., и потому 22 июня 1941 г. врага встретил кадровый состав Красной Армии, а не милиционные дивизии территориальной дислокации.

Но все же главное значение советско-германского договора о ненападении лежит не в экономической и военной, а в политической (можно даже сказать – геополитической) плоскости – это была одна из самых грандиозных дипломатических побед, когда либо одержанных русскими. В 1939 г. Советский Союз действительно находился в тисках агрессивных государств. Польская пресса открыто писала о великом крестовом походе против России, а польский генштаб разрабатывал соответствующие военные планы. Румыния продолжала оккупировать Бессарабию. Даже прибалтийские карлики – Латвия и Эстония заигрывали с Германией, а немецкие генералы инспектировали границу с СССР. Финны строили планы создания Великой Финляндии с границами по реке Неве и Беломоро-Балтийскому каналу (оцените-ка их аппетиты!). Финляндию ныне принято изображать мирной демократической страной, невинной жертвой сталинской агрессии, при этом как-то забывается, что само финское правительство объявило войну СССР, имея на повестке дня план стратегического наступления на Петрозаводск. На востоке в момент подписания советско-германского договора в августе 1939 г. Красная Армия вела боевые действия против японских агрессоров. Казалось бы, локальное столкновение, но на Халхин-Голе мы потеряли за полгода около 10 тысяч солдат (для сравне-

ния, за десятилетие войны в Афганистане безвозвратные потери Советской армии составили 14,5 тысяч человек).

Англия и Франция вроде бы не проявляли открытых агрессивных намерений, но именно эти державы последовательно выстраивали в течение полутора десятилетий систему антисоветских союзов и блоков. Политика так называемого умиротворения Германии в конечном итоге преследовала цель толкнуть ее против СССР. На это же была направлена жесткая стратегия внешнеполитической изоляции Советского Союза. Относительно нормальные отношения, да и то лишь внешне, связывали СССР из ближайших соседей только с Чехословакией, но та приказала долго жить в марте 1939 г. Союзник же у нас был на всем земном шаре лишь один – Монголия.

И вот в августе 1939 г. русские одним ударом разрывают удавку, которую Запад годами плел вокруг нашей шеи! Когда современники описывают реакцию Японии на заключение советско-германского договора от 23 августа 1939 г., они, словно сговорившись, используют слово «шок». Английский посол в Токио Крейги телеграфировал в Лондон, что подписание советско-германского договора о ненападении «было для японцев тяжелым ударом» (Documents on British Foreign Policy, 1919–1939). А вот телеграмма временного поверенного в делах СССР в Японии Н. И. Генералова в НКВД СССР: *«Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военницу и фашистский лагерь»*.

Уникальный случай в истории дипломатии: заключение договора между двумя странами вызвало отставку правительства в третьей стране, которую данный договор никак не затрагивал. Японский кабинет, возглавляемый Хиракума, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать в отставку. Обосновывая свое решение, Хиракума заявил, что в результате заключения советско-германского договора создано новое положение, которое делает необходимой «совершенно новую ориентацию японской внешней политики». В результате этой новой ориентации 13 апреля 1941 г. между СССР и Японией был подписан договор о нейтралитете, о котором, в свою очередь, английская газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» сообщала, что этот договор представляет собой подлинный провал американской дипломатии (см. газета «Правда» за 19 апреля 1941 г.).

Сами посудите: Япония воюет с СССР в Монголии, Германия – союзник Японии по «Антикоминтерновскому пакту»⁴, но Риббентроп заключает договор с врагом японцев не только не консультируясь со своим восточным партнером, но вообще не ставя в известность Токио о своих намерениях. Самураи вынуждены были в сентябре замирились с Москвой, объявив халхингольское побоище случайным инцидентом, но к Германии они с тех пор питали стойкое недоверие. Поэтому каждая держава вела в 1941–1945 гг. свою отдельную войну – немцы с СССР, японцы с США, и об атаке на Пирл-Харбор Гитлер узнал из газет. Фактический срыв германо-японского военного союза – вот главный стратегический выигрыш, который получил Советский Союз 23 августа 1939-го. Нетрудно представить себе, какие катастрофические последствия имел бы одновременный удар Германии и Японии 22 июня 1941 г. по СССР.

То, какие истинные намерения имели по отношению к русским западные «демократии», стало ясно через несколько месяцев. В конце 1939 г. французский и британский генштабы пла-

⁴ «Антикоминтерновский пакт» был заключен в Берлине 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией. Согласно опубликованному в то время тексту пакта, его участники обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него совместную борьбу. Основное содержание пакта было изложено в подписанном одновременно германо-японском секретном соглашении, в котором указывалось, что в случае конфликта одного из участников пакта с СССР они «должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов». Участники соглашения обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения».

нировали операцию по уничтожению с воздуха нефтепромыслов Баку и отправку на помощь финнам воинского контингента. И это в то время, когда обе страны находились в состоянии войны с Германией! Тут, правда, есть один нюанс: с немцами англо-французы вели «сидячую» войну, а вот с Советским Союзом намеревались воевать по-взрослому. Надо прочувствовать всю глубину отчаяния лондонских и парижских стратегов: они усиленно, и как им казалось, успешно, науськивали Германию «нах остен», а этот чертов Молотов подмахнул Риббентропу одну бумажку, и все их многолетние комбинации пошли насмарку. На Гитлера англо-французы тоже сильно обозлились, и войну Германии объявили, вероятно, лишь с одной целью – образумить его. Поэтому, совершая налеты на Германию, английские бомбардировщики сбрасывали на немецкие города не бомбы, а листовки. Удар по СССР, который западные союзники планировали осуществить в апреле 1940 г., – это уже не намек, а совершенно открытое послание Гитлеру: друг Адольф, на Востоке у нас есть общий враг, давай забудем небольшое недоразумение с Польшей и займемся, наконец, делом.

Но тут своих западных союзников подвели финны – вместо победного марша на Петрозаводск они получили перспективу полного разгрома к середине марта и спешно запросили у Москвы мира, каковой и получили на вполне приемлемых условиях. Тем не менее, западные союзники не отказались от планов бомбового удара по объектам нефтяной промышленности на Кавказе, но перенесли дату окончания приготовлений на середину мая 1940 г. Советское командование, в свою очередь, передислоцировало в Закавказье несколько дальнебомбардировочных полков и стало готовить ответный удар по сирийским и иракским авиабазам союзников. Неизвестно, как бы повернулся ход мировой истории, если бы за несколько дней до предполагаемого начала войны между СССР и англо-французами Гитлер не показал последним, что такое блицкриг. В результате этого показа французы капитулировали, а англичане поспешно бежали на свои острова. Заключение советско-германского пакта о ненападении действительно сыграло значительную роль. Значительную, но совсем не ту, которую приписывают ему анти-советские пропагандисты. 23 августа 1939 г. – это не только день триумфа советской дипломатии, но и момент позорного провала многолетней внешнеполитической стратегии Запада. Поэтому меня несколько не удивляет, что англосаксонские историки маниакально стараются переписать именно эту страницу истории.

Благодаря стараниям некоторых «историков» договор о ненападении представляется как договор о союзе между Германией и СССР. Нет, по сути это был лишь договор о нейтралитете в случае войны. Особо наглые баснописцы утверждают, будто Советский Союз после заключения Молотовым и Риббентропом «дьявольской сделки» стал снабжать Гитлера стратегическим сырьем, помогая ему таким образом расправиться с западными демократиями. Снова налицо спекуляция – мы торговали с Германией, а не снабжали ее. Наоборот, воюющая Германия поставляла СССР оружие, что не могло не ослабить ее военный потенциал.

Даже те «историки», которые пытаются оправдывать Договор от 23 августа, отчего-то испытывают комплекс вины, единогласно объявляя его вынужденным шагом: мол, мы не хотели, но нам пришлось... Успокойтесь, ребята, Советскому Союзу адвокаты не нужны. Вынуждают подписывать договора только слабых, а СССР был сильной мировой державой, и в отличие от нынешней РФ мог позволить себе действовать, исходя из собственных интересов, а не по чьему-то принуждению.

Уже предвижу вопли либералов-общечеловеков о том, два кровавых диктатора на основании заключенного пакта изнасиловали тихую скромницу Польшу. Причем некоторые пытаются объявить инициатором этого гнусного насилия Сталина, который отхватил себе большую часть Польши. Этот вопрос ниже будет рассмотрен более подробно, но если уж смотреть по существу, то вся территория Польши была оккупирована немцами. Те земли, которые отошли впоследствии к СССР, мы никогда польскими не считали. В 1921 г. Советская Россия заключила с Польшей мирный Рижский договор, по которому *временной* границей между двумя

странами фактически стала существующая на тот момент линия фронта. В отношении оккупированных ляхами территорий было предусмотрено положение, по которому их государственная принадлежность должна быть в дальнейшем определена на основе плебисцита. Проводился ли предусмотренный договором плебисцит? Нет! Хотя бы только на основании этого пространство между линией Керзона⁵ и советско-польской границей по состоянию на август 1939 г. следует считать оккупированной поляками советской территорией. Рижский договор также предусматривал и равноправие нацменьшинств – русских, украинцев, белорусов. Никаким равноправием в версальской Польше и не пахло. СССР неоднократно заявлял протесты по этому поводу, на которые Варшава не реагировала. Также по условиям договора от 1921 г. Польша обязалась воздерживаться от поддержки антисоветских бандформирований, однако вооруженные банды не только действовали с ее территории, но и были руководимы кадровыми офицерами Войска Польского.

Плебисцит, предусмотренный Рижским договором, был проведен лишь в октябре 1939 г. и только после этого земли Западной Украины и Западной Белоруссии были включены в состав Советского Союза. Даже официальный Лондон вынужден был признать, что СССР не оккупировал Польшу. Премьер-министр Ллойд-Джордж высказывал мнение в письме польскому послу в Лондоне, что Советский Союз вернул назад *«территории, которые не являются польскими и которые силой были захвачены Польшей после Первой мировой войны. Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии»*.

⁵ Линия, которая была рекомендована в декабре 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Проведена была по этническому принципу. Получила название по имени маркиза Керзона, министра иностранных дел Великобритании, который во время советско-польской войны 1920 требовал прекратить наступление Красной Армии на этой условной линии. В 1945 г. почти в точности по линии Керзона была установлена постоянная советско-польская граница.

Протокол

Сам по себе заключённый 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении не ущемлял интересы третьих стран. Прибалтийский кризис 1939–1940 гг. был спровоцирован началом войны в Европе, но не имел никакой прямой связи с советско-германским соглашением, о чем неустанно кричат ныне тамошние идеологи. Тем не менее именно в Прибалтике в конце 1980-х годов разразилась массовая истерия по поводу преступного сговора между двумя диктаторскими режимами, якобы в результате которого Литва, Латвия и Эстония лишились независимости.

Доказательством преступления сталинского режима перед балтийскими народами пере-стройщики объявили не сам договор, а некие «секретные протоколы» к нему о разграничении сфер интересов между Германией и СССР. В дальнейшем на базе этой фальсификации был даже разработан пропагандистский миф о том, что Вторая мировая война, дескать, началась лишь потому, что Сталин и Гитлер сговорились о разделе Польши (особенно отличился на этой почве беглый предатель Владимир Резун, пишущий под псевдонимом «Суворов»). Немудре-ная байка, но поляки в нее верят до сих пор. Кстати, если говорить о нации, имеющей наи-более извращенное представление о своей истории, то это, несомненно, будут поляки. У них даже официально создано «министерство правды» – Институт национальной памяти, занима-ющийся переписыванием истории и цензурой. Например, с подачи этого органа в «свободной» Польше был запрещен к показу знаменитый польский художественный фильм «Четыре танки-ста и собака».

Свою страну ляхи неизменно представляют жертвой Второй мировой войны, и совсем не вспоминают, что ей предшествовал раздел Чехословакии, в котором Польша приняла самое деятельное участие «с жадностью гиены» по словам Уинстона Черчилля. Подзабыли поляки и о том, что непосредственным поводом к войне стала оккупация ими немецкого города Дан-цига (точнее, не сама оккупация, а отказ Польши вернуть этот германский город Германии) и массовая дискриминация двухмиллионного немецкого населения Польши.

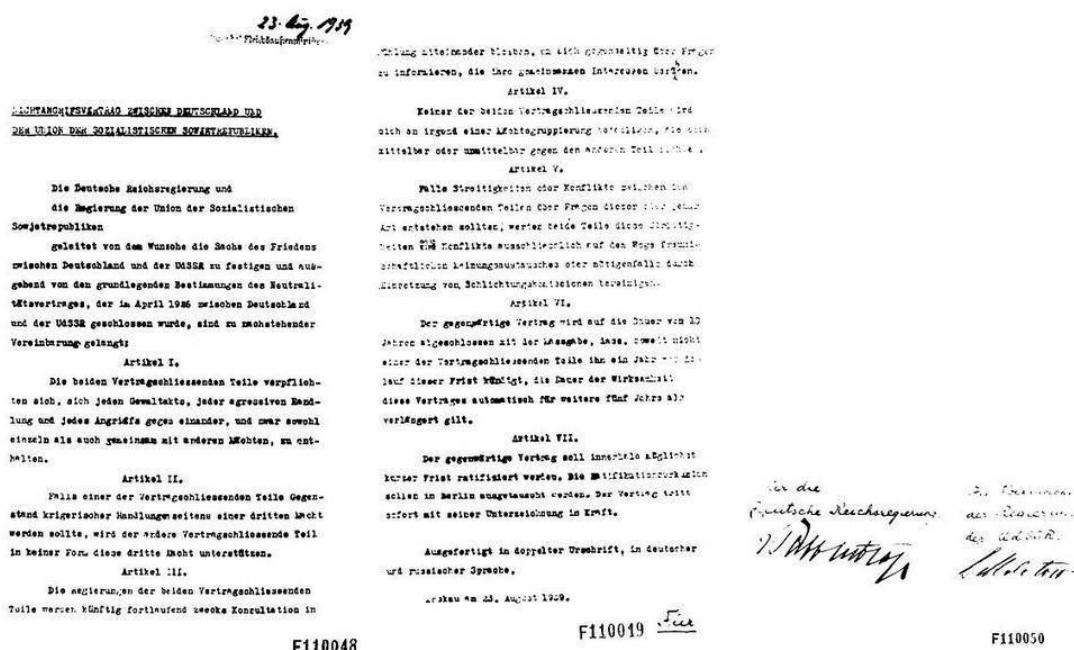

Фото 1. Немецкий текст советско-германского пакта о ненападении по микрофильму фон Леша. Обращает на себя внимание непоследовательная нумерация кадров (возможно, что на второй странице цифра «4» не пропечаталась, хотя это кажется маловероятным). Сомнительно и то, что третья страница договора не содержит ничего кроме подписей при том, что на страницах договора не видна нумерация. Так никогда не оформляются документы! В противном случае можно будет третью страницу договора подшить к любому тексту и утверждать, что его подписали Молотов и Риббентроп.

Почему я называю «секретные протоколы» к советско-германскому пакту фальсификацией? Хотя бы потому, что таковые документы не найдены ни в советских, ни в германских архивах и нигде они официально не признавались вплоть до 1989 г. В РФ якобы обнаружены в 1992 г. «оригиналы» протоколов, но и их тоже никто никогда не видел. Что же до изображений оных, которые гуляют в Интернете, то совершенно очевидно, что они слеплены в программе «Photoshop».

Разумеется, секретные договоренности между странами практикуются, ибо такова есть давняя дипломатическая традиция – щепетильные вопросы межгосударственных отношений решать в конфиденциальном порядке. Дипломатия – старшая сестра разведки, и секретность – мать ее. Общественность видит лишь результаты усилий дипломатов, механизмы же их достижения чаще всего сокрыты завесой тайны. Например, к договорам о взаимопомощи между СССР и прибалтийскими государствами, заключенными осенью 1939 г. прилагались конфиденциальные протоколы, определяющие порядок ввода и размещения на их территории советских войск. При этом в тексте самих договоров есть ссылка на эти самые конфиденциальные протоколы.

Есть и другой тип секретных договоренностей – решения в отношении третьих стран, исключающие какую-либо утечку информации и имеющие крайне узкий круг лиц, посвященных в тайну. Подобные соглашения обычно оформлялись не в виде официального межгосударственного трактата, а в форме личного договора между правителями. Не припоминаю за всю историю дипломатии ни одного подобного тайного соглашения, которое бы было заключено с соблюдением официального ритуала и формальностей документооборота. Зато есть пример решения вопроса о разделе сфер влияния между СССР и Великобританией в Восточной Европе на встрече Черчилля со Сталиным в Москве 9 октября 1944 г. Вот как об этом вспоминал сам Черчилль:

«Создалась деловая атмосфера, и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам – в Югославии?»

Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал:

«Румыния: Россия – 90 процентов. Другие – 10 процентов

Греция: Великобритания (в согласии с США) – 90 процентов Россия – 10 процентов.

Югославия: 50 на 50 процентов.

Венгрия: 50 на 50 процентов.

Болгария: Россия – 75 процентов. Другие – 25 процентов».

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать. Конечно, мы долго и тщательно обсуж-

дали наш вопрос и, кроме того, касались лишь непосредственных мероприятий военного времени. Обе стороны откладывали все более крупные вопросы до мирной конференции, которая, как мы тогда надеялись, состоится после того, как будет выиграна война.

Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец, я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку».

«Нет, оставьте ее себе», – сказал Сталин»⁶.

Можно, конечно, усомниться, что дело происходило в точности так, как это описал Черчилль, но примерно таким образом секретные соглашения о разделе сфер влияния и заключаются. Действительно, какой смысл официально подписывать тайный договор, если его юридическая сила равна нулю? В случае невыполнения одной стороной тайного соглашения другая сторона не может публично потребовать его исполнения. Страна-нарушитель просто станет отрицать наличие каких-либо тайных обязательств. Всякий межгосударственный договор обретает силу лишь после взаимной ратификации. Так что, на мой взгляд, нужды в оформлении «секретных протоколов» к пакту не было ни малейшей, тем более что переговоры 23 августа 1939 г. происходили не на высшем уровне.

Но, поскольку советско-германские переговоры носили серьезный характер, во время бесед Риббентропа со Сталиным и Молотовым, несомненно, рассматривался очень широкий спектр вопросов, к коим относились и вопросы безопасности границ СССР. Возможно, что в беседах было установлено представление об интересах двух держав в Восточной Европе. Но достигнутое в разговорах понимание, даже если оно и имело место, к делу не пришьешь. К тому же об этом ничего не известно, и рассуждать об этом можно только гипотетически.

Те «секретные протоколы», на которые ссылался Яковлев, разоблачая «преступления Сталина», представляют собой откровенную фальшивку. Яковлева пытался убедить депутатов в их подлинности уверениями, что он якобы держал в руках копии с фотокопии «секретных протоколов», неизвестно кем и неизвестно когда сделанные, и переданные ему властями ФРГ, которые, в свою очередь, получили их от американцев. При каких обстоятельствах янки их приобрели, вообще установить невозможно. Те вещдоки, которые якобы были предъявлены общественности в 90-х годах, когда вдруг был найден «оригинал» советского комплекта «секретных протоколов», сфабрикованы уже после исторического доклада, когда потребовались улики для обвинения во время суда по делу КПСС. На этом суде впервые всплыли и фальшивки по так называемому катынскому делу, но слеплены они были настолько грубо, что даже «демократический» суд, скрепя сердце, отказался приобщать многие из них к делу.

⁶ Уинстон Черчилль. Вторая мировая война // http://www.knigivinternet.ru/kniga/MEMOR/WORLD_II/90.html

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обоими сторонами в строгом секрете.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Москва, 23 августа 1939 года

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

- 2 -

При подписании договора о ненападении между Германией и Советским Союзом Социалистическим Республикам не подписавшимся уполномоченными обеих сторон обсуждали в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обоими сторонами в строгом секрете.

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Самоландия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаны обоими сторонами.

Москва, 23 августа 1939 года.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

34. Прибалтийские государства
Германия:
И. Риббентроп

F19 185

F19 184

Фото 3. Секретный протокол к пакту с микрофильма фон Леша. Русский вариант.

Текст воспроизводится по фотокопии, опубликованной в выпущенном в США сборнике «Нацистско-советские отношения. 1939–1941» (Nazi-Soviet Relations 1939–1941. Washington, 1948), где были представлены тексты протоколов, якобы захваченные союзниками в 1945 г. Поскольку протокол фальшивый, то честь первой публикации принадлежит американцам, как бы это в дальнейшем не пытались затушевать этот факт «историки». К тому же, например, «официальная» публикация в журнале «Новая и новейшая история» (1993 г., № 1) менее достоверна, нежели даже фотокопия: Риббентроп назван здесь «И. ФОН РИББЕНТРОП», хотя в советских дипломатических документах титулатура никогда не использовалась.

На русском языке американский сборник выпущен в США в 1983 г. литовским эмигрантским издательством «Moksvo» под названием «СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1939 г. по июль 1941 г.» (в качестве переводчика выступил известный беглый антисоветчик, «историк» Фельштинский). В 1989 г. в Вильнюсе в издательстве «Mokslas» 100-тысячным тиражом выпущена книжка «Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г.», являющаяся выжимкой из упомянутого выше источника. В выходных данных так и сказано, что она отпечатана по фотокопии (видимо имеется в виду фотокопия издания «Moksvo», 1983 г.). В данном издании использовано предисловие на русском и литовском языке, подписанное директором Института истории партии при ЦК Компартии Литвы В. Кашаускене и заместителем директора Института истории АН Литовской ССР А. Эйдintasом. Наконец, в 1991 г. в издательстве «Московский рабочий» вышла та же самая книга в переводе Фельштинского под названием «Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы».

Geheimes Staatsprotokoll.

Aus Anlass der Unterzeichnung des Nichtangriffsvertrages zwischen dem Deutschen Reich und der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken haben die unterzeichneten Bevollmächtigten der beiden Teile in streng vertraulicher Aussprache die Frage der Abgrenzung der beiderseitigen Interessensphären in Osteuropa erörtert. Diese Aussprache hat zu folgenden Ergebnis geführt:

1. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung in den an den baltischen Staaten (Finnland, Estland, Lettland, Litauen) angrenzenden Gebieten bildet die nördliche Grenze Litauens zugleich die Grenze der Interessensphären Deutschlands und der UdSSR. Hierbei wird das Interesse Litauens am Wilnauer Gebiet beiderseits anerkannt.

2. Für den Fall einer territorial-politischen Umgestaltung der zum polnischen Staate gehörigen Gebiete werden die Interessensphären Deutschlands und der UdSSR ungefähr durch die Linie der Flüsse Märew, Weichsel und San abgegrenzt.

Die Frage, ob die beiderseitigen Interessen die Erhaltung eines unabhängigen polnischen Staates erwünscht erscheinen lassen und wie dieser Staat abzugrenzen wäre, kann endgültig erst im Laufe der weiteren politischen

Entwicklung geklärt werden.

Beide
In jedem Falle werden bei Entfaltungen diese Frage im Wege einer freien beschafflichen Verständigung lösen.

3) Hinsichtlich des Südostens Europas wird von sowjetischer Seite das Interesse an Bessarabien betont. Von deutscher Seite wird das völlige politische Desinteresse an diesen Gebieten erklärt.

4) Dieses Protokoll wird von beiden Seiten streng geheim behandelt werden.

Moskau, den 23. August 1939.

Für die
Deutsche Reichsregierung
Ribbentrop

In Vollmacht
der Regierung der
UdSSR:
Molotov

F19 183

F19 182

Фото 4. Немецкий «секретный протокол» с микрофильма фон Леша. Мало того что с исправлениями, так еще видна и небрежность в оформлении. Номера параграфов 1 и 2 отделены от текста точкой, а 3 и 4 – скобкой. Также отсутствует нумерация страниц, что вообще-то принято делать на многостраничных документах.

В печатных изданиях тексты «секретных протоколов» зачастую приводятся в переводе с английского, в связи с чем в нем много неточностей. Например, вместо слова «договор» в преамбуле «секретного протокола» используется слово «пакт». Как видно, использовался текст Фельштинского, а тот выполнил перевод с английского текста американского сборника, где действительно значится Non-aggression Pact. Уму непостижимо, на кой черт Фельштинскому

потребовалось делать обратный перевод с английского, если в его распоряжении была фотокопия русского «оригинала». Между тем слово «пакт» в официальных документах НКВД по отношению к договору с Германией от 23 августа 1939 г. никогда не употреблялось.

В Интернет можно найти массу изображений, выдаваемых то за американскую фотокопию протокола с немецкого микрофильма, то за советский «оригинал» с солидной ссылкой: «Leihgeber: Politisches Archiv des Auswartigen Amtes, Berlin» или «Архив Президента РФ, Особая папка, пакет № 34»⁸. Но на самом деле во всех случаях представлены лишь репродукции из выпущенной Госдепартаментом США в 1948 г. книги⁹. На приведенном рисунке отлично видны номера страниц (196, 197), а также то, что на оборотной стороне отпечатан какой-то текст, чего на оригинале быть не могло, а уж на фотокопии и тем паче.

Сразу бросается в глаза безграмотность составителей этой фальшивки, что вполне объяснимо, если допустить, что изготавливали ее люди, для которых русский язык не является родным. Потому они пишут «обоими сторонами» вместо «обеими сторонами». На приведенной фотокопии мы видим, что такая ошибка допущена трижды. Помимо этого в протоколе имеется исправление (хорошо видно на снимке): в слове «разграничении» пропущена буква «з». Покажите мне хоть один официальный документ такой важности, где бы присутствовали исправления от руки!

Другая ошибка в стогом смысле является не ошибкой, а проявлением небрежности, но весьма характерной. В официальных юридических документах во избежание разночтений географические названия не склоняются, иногда и фамилии тоже. То есть фраза «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана» должна была быть записана так: «... по линии рек Нарев, Висла и Сан».

⁸ См.: «Википедию» // <http://ru.wikipedia.org>

⁹ См.: <http://www.dhm.de/lemo/objekte/pict/stalina2/index.html>

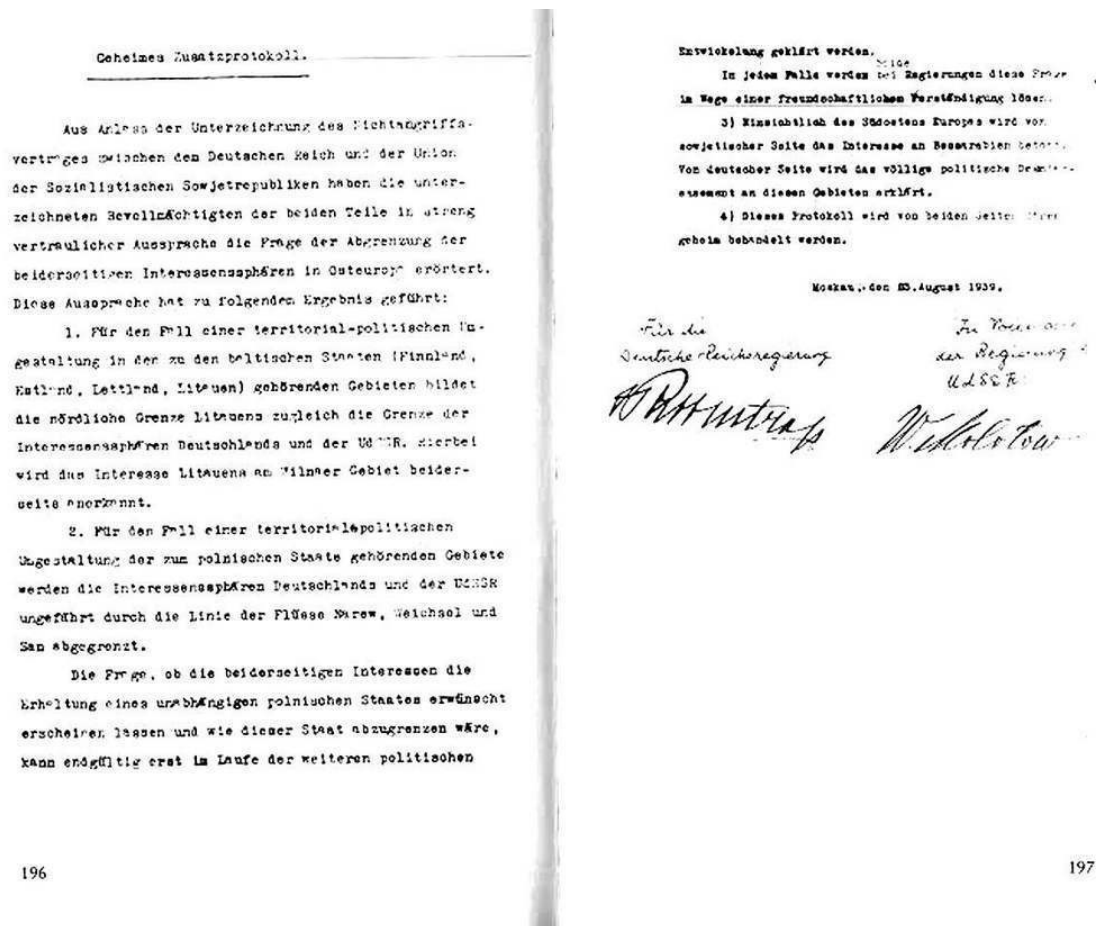

Фото 5. Единственное отличие «секретных протоколов» в госдеповском сборнике от микрофильмов фон Леша – отсутствие нумерации кадров.

Кстати, история с реками имела свое продолжение. Оказалось, что Молотов и Риббентроп, перекраивая политическую карту Европы, отчего-то как раз карты под рукой не имели. В результате раздел сфер интересов был проведен по реке Нарев, которая имеет исток в Белостокском воеводстве, не касаясь своим течением границ Польши.

Для устранения недоразумения якобы был составлен следующий документ.

РАЗЪЯСНЕНИЕ К СЕКРЕТНОМУ ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРОТОКОЛУ ОТ 23 АВГУСТА 1939 ГОДА

В целях уточнения первого абзаца п. 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 года настоящим разъясняется, что этот абзац следует читать в следующей окончательной редакции, а именно:

«2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана».

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Москва, 28 августа 1939 года

Воспроизводится по изданию МИД СССР «Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы в двух томах», вышедшему в 1990 г. Издатели, чтоб никто не подумал, что они высосали этот текст из пальца, ссылаются на источник: «Печат. по сохранившейся машинописной копии: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 3».

Но стоит только посмотреть на текст, как сразу видно, что его слепили идиоты. Риббентроп не мог подписать это разъяснение 28 августа 1939 г., потому что он улетел в Берлин 24 августа, а следующий визит в Москву совершил только 27 сентября. Потом спохватились, и в журнале «Вопросы истории» (№ 1, 1993 г.) разъяснение за правительство Германии подписал уже посол Шуленбург. Чтоб общественность не волновалась, даже картинку с автографами сделали.

Коль уж решили уточнить границу, так следует уточнять ее на всем протяжении. В первоначальном варианте упущено, что Нарев впадает в реку Буг, а уж тот соединяется с Вислой чуть севернее Варшавы. Вроде бы мелочь, подумаешь, в границе образовалась брешь километров в 40. Но когда сходятся друг с другом миллионные армии, желательно провести разграничительную линию так, чтобы никаких эксцессов не возникало, потому что если буквально руководствоваться «разъяснением к секретному протоколу», то германская армия вполне может получить плацдарм на правобережье Вислы. В оправдание такой небрежности можно сказать то, что на польских картах значилось, что Буг впадает в Нарев, а не наоборот. Однако на советских картах таких казусов никогда не наблюдалось. В старые времена было обыкновение небольшой участок течения от слияния двух рек до впадения в Вислу именовать Буго-Нарев. То есть необходимость устранения возможных кривотолков имела в любом случае. Отсюда можно сделать вывод, что фальсификаторы пользовались не русскими картами, иначе текст «секретного протокола» и разъяснение к нему обладали бы большей точностью. Но почему в Кремле, где якобы и подписывались все «секретные протоколы», не было русских карт?

Наконец, мы читаем здесь: «...граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана». Название реки Нарев написано с ошибкой, вызванной неправильным склонением. Такую ошибку вполне мог допустить человек, говорящий на английском языке и пользующийся картой, на которой названия даны в английской транскрипции. В английском, как известно, географические названия не склоняются. В пользу того, что исходный текст «секретного протокола» делал англоговорящий человек, косвенно свидетельствуют и такие лингвистические особенности:

- написано «Польского Государства» вместо «польского государства»;
- «Прибалтийских государств» вместо «прибалтийских государств».

В русском языке прилагательное «прибалтийский» однозначно пишется со строчной буквы, в то время как имя собственное «Прибалтика» всегда с заглавной. По-английски же вполне допустимо писать Polish State и Baltic States, однако в указанном американском издании в тексте «секретного протокола» встречается только второе словосочетание, а «Польское государство» пишется как Polish state, хотя в других документах в том же сборнике встречается и написание Polish State. В советском двухтомнике «Год кризиса 1938–1939» в приведенном тексте «секретного протокола» (со ссылкой на сохранившуюся машинописную копию: АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1–2.) в обоих случаях написано «Польского государства», что не соответствует русскому варианту американской фотокопии из сборника 1948 г.

Впрочем, американское издание выполнено очень халтурно. Одно и то же слово «договор» там переводится тремя различными способами: agreement, treaty, pact. А уж чтобы перевести слово «Германия», как German Reich, надо обладать большим пренебрежением к документу, пусть даже и фальшивому. Любопытно, что в немецком тексте «секретного протокола» «Польское государство» пишется как polnischen Staate, а «Прибалтийских государств» как baltischen Staaten, в то время как «Виленская область» обозначена Wilnaer Gebiet – оба слова

с заглавной буквы, что вызывает определенные сомнения. Опять же, немецкий текст «секретного протокола», известный по американской публикации, не обошелся без исправлений.

Снова фальсификаторы прокалываются и с географией: Финляндия – это скандинавская страна, а Прибалтикой традиционно называют лишь территории бывших Курляндской, Эстляндской и Лифляндской губерний Российской империи. Впрочем, для янки это мелочи – к Прибалтике они приписали еще и Финляндию. Следуя их логике Германию и Данию тоже можно считать Прибалтикой, так как их берега омываются водами Балтийского моря.

Большое сомнение вызывает и стилистика протокола. В договорах о разграничении интересов стороны заинтересованы добиваться ясности смысла и четкости формулировок. А что означает выражение *«В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства»*? Уж коли протокол секретный, то почему бы не писать откровенно: мол, в случае войны вермахт занимает такие-то области, а РККА – такие-то? И что значит словосочетание «в течение дальнейшего политического развития» в отношении Польши, которую уже поделили? Советской дипломатии были совершенно несвойственны подобные туманные витиеватости.

Я совершенно не в силах поверить, что подобное мог написать человек, хорошо владеющий русским языком, тем более дипломат, и, тем паче, глава правительства СССР Вячеслав Молотов. Литератор Феликс Чуев, хорошо знавший Вячеслава Михайловича, характеризовал его так: *«...ни он, ни его учителя не терпели длиннот. Молотов был точен в формулировках и порой придирался, казалось бы, к незначительным мелочам. Любил докопаться до сути, был упрям и последователен в беседе»*¹⁰.

Непосредственные изготовители фальшивок отнеслись к своей работе с юмором, и потому, подделывая подпись Молотова, начертали ее в двух случаях латиницей (текст договора и протокол на немецком языке). В реальности такое, конечно, невозможно. Представьте себе, что президент РФ Путин, отдавая японцам пресловутые «северные территории», поставил бы под одним экземпляром договора свою подпись японскими иероглифами, а в другом подмахнул бы бумагу по-немецки, благо сим языком он владеет неплохо. У историков в будущем неминуемо возникнет вопрос: какую же страну представлял герр Путин-сан, и не был ли договор об уступке Россией Курильских островов сфабрикован японскими спецслужбами при помощи немецких коллег?

Факт, просто вопиющий о подложности документа – параграф о признании обеими сторонами притязаний Литвы в отношении Виленской области. Во-первых, Литва не была субъектом переговоров, а потому этот пункт здесь выглядит просто абсурдно. Во-вторых, если по смыслу п. 2 протокола Виленская область входит в сферу интересов Советского Союза, то признание или непризнание литовских претензий – это предмет двусторонних литовско-советских отношений (только в случае ликвидации Польши, конечно). При этом возникает принципиальное противоречие с п. 1 протокола, по которому Литва отнесена к германской сфере интересов. Но самое главное, Литва в 1938 г. официально отказалась от притязаний на Виленскую область, и потому ни Германия, ни СССР не могли признавать интересы Литвы в данном вопросе. Появился пункт о Виленской области в протоколе видимо лишь потому, что фальсификаторы старались подогнать его под реальные события. Но сделали они это крайне неуклюже (подробности см. в главе «Вильно»).

Сам по себе этот документ алогичен и противоречив. Если речь идет о *разграничении* взаимных интересов, то это разграничение должно обсуждаться лишь там, где сферы интересов двух держав соприкасаются. В случае с Польшей все более-менее понятно, поскольку на польской территории на западе проживало 2 миллиона немцев, защищать права и интересы которых Германия считала своим долгом, а на востоке на отторгнутых Польшей от России в

¹⁰ Феликс Чуев. 140 бесед с Молотовым.

1920 г. землях жило более 10 миллионов украинцев и белорусов (плюс более полутора миллионов евреев). Но в отношении Литовской республики возникают серьезные вопросы. С какой стати Литва отнесена в сферу интересов Германии? С Литвой из всех балтийских стран у СССР были наиболее дружественные отношения (если точнее, то они были не настолько плохими, как со всеми прочими). В 1938 г. именно решительная позиция Советского Союза позволила избежать агрессии Польши против Литвы, к чему дело и шло.

Никаких экономических или политических интересов у Германии в Литве после возвращения Мемеля не было. С Литвой у Германии не существовало договора о гарантиях в случае советской агрессии, а с Латвией и Эстонией соответствующие соглашения были подписаны. Эстония и Латвия – это территории бывшего Ливонского ордена, основанного в средневековье германскими крестоносцами. Немцы цивилизовали этот край, и многие века составляли в Эстляндии и Курляндии культурный и господствующий слой. Вплоть до 1940 г. в Латвии и Эстонии сохранялось значительное немецкое меньшинство. Литва в этом смысле стояла особняком, культурно тяготея не к Германии, а к Польше.

Видимо Литву авторы «секретных протоколов» временно отдали Германии, подгоняя протокол от 23 августа под известные события. В сентябре 1939 г. Германия пыталась прибрать Литву к рукам: 25 сентября Гитлер подписал директиву № 4 о сосредоточении войск в Восточной Пруссии и готовности вторгнуться в Литву. Чуть раньше – 20 сентября в Берлине был разработан проект документа под названием «Основные принципы договора об обороне между Германией и Литвой», статья I которого гласила: *«Без ущерба для своей независимости как государства Литва отдает себя под опеку Германского Рейха»*¹¹.

В случае с Финляндией никак не разрешен вопрос именно о *разграничении* сфер влияния – является ли финско-норвежский и финско-шведский рубежи границей советской сферы интересов, или они распространяются на всю Скандинавию? О характере германских интересов в Скандинавии нет ни слова, хотя эти интересы присутствовали, и в первую очередь, в Швеции, откуда немцы получали стратегически важное сырье для своей промышленности (из Финляндии тоже, но в меньшем количестве). То же самое и в случае с Румынией. Румыния в 1918 г. оккупировала область, называемую Бессарабией, и СССР никогда не признавал этого захвата. Бессарабию Москва однозначно планировала вернуть под свою юрисдикцию и спрашивать благословления Берлина на возврат своей территории не собиралась. Бессарабский вопрос – это предмет исключительно советско-румынских отношений.

Опять же, о предмете немецких интересов в Румынии ничего не говорится, несмотря на то, что еще 23 марта 1939 г. было подписано германо-румынское экономическое соглашение, создающее предпосылки для полной переориентации на Германию всей румынской экономики. В первую очередь это касалось поставок нефтепродуктов и продовольствия, что в случае войны приобретало стратегическое значение для Берлина. Так почему бы не оговорить этот вопрос в секретном протоколе? Ведь фактически дав добро на пересмотр советско-румынской границы, Риббентроп не мог исключать, что территориальный спор между двумя странами приведет к войне. Вот на этот случай и нужно было договориться, что, например, территория к юго-западу от линии рек Дунай – Прут не относится к советской сфере интересов. Логично? Необходимость четкого разграничения взаимных интересов в Румынии тем более актуальна, что Бессарабия является лишь частью Молдавии – исторической румынской области. А ну как Советский Союз решит прибрать к рукам всю Молдавию?

Бессарабский вопрос, кстати, дает нам хорошую возможность выяснить истину о существовании «секретного протокола» от 23 августа 1939 г. Летом 1940 г. между Москвой и Берлином велась активная переписка, касающаяся территориального переустройства Бессарабии и Северной Буковины и вытекающих из этого проблем (например, вопрос переселения в Гер-

¹¹ Цит. по: Пыхалов И. За что Сталин выселял народы.

манию 120 тысяч бессарабских немцев – фольксдойче). Но ни в одном из этих документов нет ссылок на августовские «секретные протоколы» даже в завуалированной форме. Например, не встречаются фразы вроде «на основании достигнутых ранее в Москве двусторонних соглашений...» или «в соответствии с известными московскими договоренностями...». Более того, по румынскому вопросу как раз возникли серьезные трения. Гитлера так перепугало приближение советских границ в июне 1940 г. на 120 км к нефтяным месторождениям Плоешти (20 минут лета для бомбардировщика), что Германия принялась настойчиво добиваться своего военного присутствия в регионе для обеспечения безопасности стратегического топливного источника. Советское правительство энергично этому противилось, утверждая, что немцы не имеют ни малейших прав на Балканы. По всему выходит, что бессарабский кризис стал для немцев неприятной неожиданностью, а значит, вопрос этот в августе 1939 г. Риббентроп с Молотовым обсуждать не могли (подробнее см. в главе «Бессарабия»). Следовательно, «секретные протоколы», на которые ссылался Яковлев в 1989 г., – фальшивка.

С другой стороны вызывает удивление, что в протоколе никак не отражены советские интересы в юго-восточном регионе Европы. В частности, ни слова не говорится о Болгарии, с которой СССР стремился в тот момент иметь дружественные отношения, дабы разместить на болгарском побережье Черного моря свою военно-морскую базу. Она имела очень большое значение, поскольку ее наличие могло предотвратить проникновение в Черное море вражеского флота через турецкие проливы. Учитывая, что Болгария фактически находилась в полной политической и экономической зависимости от Германии, а германское влияние на Турцию было чрезвычайно велико, логично ожидать, что важный для СССР вопрос черноморских проливов найдет своё отражение в «секретном протоколе». Однако он совершенно игнорируется.

Из текста документа следует, что советская сторона не только была извещена о предстоящем нападении немцев на Польшу, но даже получила авансом половину территории страны. То есть на основании п. 2 фальшивых «секретных протоколов» визгливая демократическая общественность объявила Советский Союз агрессором и сообщником зачинщика Второй мировой войны. Однако ход дальнейших событий опровергает эту логику.

Во-первых, сразу после начала германской интервенции СССР не атаковал Польшу и даже не стал искать повода для вторжения. Советский Союз демонстративно отвел войска от границы еще до начала конфликта. Это, кстати, вызвало очень негативную реакцию в Берлине, и Риббентроп 29 августа потребовал от Молотова объяснений через германского посла в Москве Шуленбурга и настойчиво попросил выступить с заявлением о том, что СССР наоборот наращивает свои силы на границе, объясняя это беспокойной обстановкой. Смысл просьбы понятен, ибо традиционно более мощные группировки польских войск были сконцентрированы на востоке страны против СССР, и Германия не желала, чтобы Советский Союз представлял полякам возможность укрепить западные рубежи. Однако официального советского заявления так и не последовало.

Во-вторых, Советский Союз заключил с Польшей торговые договора на поставку стратегических материалов, в частности хлопка, используемого в производстве пороха. Наконец, Красная Армия перешла границу лишь после того, как польское государство *de jure* прекратило существование в результате бегства правительства и верховного главнокомандующего, а польская армия была в стратегическом отношении полностью разгромлена.¹² Немецкие войска продвинулись не только за пределы своей пресловутой сферы интересов, но даже заняли часть территории восточнее будущей советско-германской границы. Частям РККА была дана директива продвигаться до соприкосновения с германскими частями, а вовсе не до рубежа,

¹² Немецкое командование начало снимать с польского фронта дивизии и перебрасывать их на Запад уже начиная со второй недели кампании, считая ее исход решенным.

отмеченного как граница сферы интересов СССР. И будущая граница прошла не по Висле, как то предполагалось «секретным протоколом».

Допустим, что «дополнительный секретный договор» действительно был подписан. Возникает вопрос: почему же Германия не соблюдала условия этого соглашения? Ведь в документе четко сказано, что Финляндия отнесена к сфере интересов СССР, однако там появились в октябре 1940 г. немецкие войска. Это является не просто грубейшим нарушением соглашения – это *военное вторжение* в зону интересов другой державы, то есть *акт агрессии* Германии против СССР. Почему Советский Союз не пресек подобное нарушение договоренностей со стороны Гитлера? И чего добивался Гитлер подобной провокацией – войны?

Но ведь и Советский Союз грубо нарушил условия «секретного протокола» уже через 28 дней после его подписания. Самый крупный польский город, занятый Красной Армией в ходе военных действий – Вильно, но Вильно, как известно, по условиям «секретного протокола» признавался за Литвой, а последняя была отнесена к сфере интересов Германии! Военной необходимости в захвате этой территории у СССР не было никакой, а вот вызвать конфликт с Германией такая акция вполне могла – в те дни нервы у всех были на пределе.

Гальдер

Складывается впечатление, что две державы, осуществляющие «территориально-политическое переустройство областей, входящих в состав Польского Государства», совсем не помнили, о чем договаривались три недели назад! Франц Гальдер, сожалея о необходимости отдать Львов (Лемберг) Советам, даже в сердцах называет это «днем позора политического руководства». Генерал-полковник Гальдер, вообще-то не дивизией командовал, а был начальником штаба сухопутных войск. С политическим руководством находился в самом тесном контакте (включая Гитлера, чьи высказывания он обильно цитирует в своих рабочих записях), и не мог не знать о секретных договоренностях по разделу территории Польши, если бы они имели место еще в августе. Но он не знал. В «Военном дневнике» Гальдера¹³ за 17 сентября 1939 г. есть такая запись: *«Впервой половине дня – обмен мнениями с ОКВ относительно будущей демаркационной линии»*. До этого момента вопрос разграничения «сфер интересов» с СССР командование вермахта не волновал.

Ещё 7 сентября Гальдер писал следующее:

«Главком у фюрера (во второй половине дня 7.9): Три возможных варианта развития обстановки.

Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранён; районы от Нарева с Варшавой – Польше; промышленный район – нам; Краков – Польше; северная окраина Бескидов – нам; области [Западной] Украины – самостоятельны.

Русские выступают.

Если западные союзники начнут наступление, демаркационная линия та же. Политически мы не заинтересованы в продвижении к Румынии».

Здесь важно отметить, что ликвидация Польши не входила в планы Германии, поскольку с Варшавой немцы собирались договариваться о самостоятельности Западной Украины (которая якобы входила в сферу советских интересов по «секретному протоколу»). Гитлер о сохранении Польши неоднократно говорил уже в ходе начавшегося военного конфликта. Более того, после 3 сентября для него было *жизненно важно* сохранить Польшу и подписать с ее правительством мирный договор. Ведь Англия и Франция во исполнение своих союзнических обязательств объявили Германии войну. Но если законное польское правительство подпишет с немцами мир (предварительные условия Гальдер набросал), тогда и западные державы будут обязаны замирииться с Берлином. Война за польские интересы в случае, если сама Варшава не желает защищать их, утрачивает смысл. Вовлечение в конфликт советской стороны автор дневника оценивает лишь как вероятное (в этом случае вопрос о независимой Западной Украине отпадает сам собой). Любопытно упоминание о демаркационной линии: из контекста записи следует, что речь идет о демаркационной линии между германскими и польскими войсками после заключения ожидаемого перемирия, причем именно по реке Нарев – там, где по более поздней легенде якобы еще в августе была согласована линия разграничения сфер интересов Германии и СССР.

За 22 августа находим у Гальдера такую запись относительно директив Гитлера по Польше:

¹³ <http://militera.lib.ru/db/O/chm/halder.zip>

«Уничтожение [армии] Польши, ликвидация ее живой силы. Речь идет не о выходе на какой-то рубеж или новую границу, а об уничтожении противника, к чему следует неуклонно стремиться любыми путями».

Следует ожидать, что заключение договоренностей с Москвой по территориальному разделу Польши повлечет за собой и уточнение задач для армии, то есть о выходе на определенные рубежи. Гальдер был в курсе советско-германских консультаций по заключению договора еще до визита Риббентропа в Москву. Подробная запись относительно условий будущего соглашения датирована 14 августа:

«Взаимоотношения с Россией: слабый контакт, начаты торговые переговоры. Будет выяснено, пошлем ли мы в Москву своего представителя. В стадии выяснения вопрос, кого послать – авторитетную личность или нет. [Россия] не думает о своих обязательствах по отношению к Западу. Русские допускают разгром Польши, но интересуются, как будет обстоять дело с [Западной] Украиной. Обещание соблюдать русские интересы...

...Русские хотят углубить переговоры. Недоверие. Никакой общей границы. Фюрер склоняется к тому чтобы пойти навстречу русским».

Да, общая граница с СССР в планы Германии тогда не входила. В дальнейшем договор с СССР упоминается неоднократно, как до, так и после его подписания, но почти исключительно в политическом контексте. Никаких уточнений в план военной кампании против Польши внесено не было. Если «секретные протоколы» и были подписаны в Москве, придется признать, что они являлись секретом и для всего высшего военного руководства Германии, включая военную разведку (начальник военной разведки адмирал Канарис регулярно делал доклады Гальдеру, однако тот не фиксирует его высказываний относительно переговоров с русскими по польскому вопросу). Поверить в то, что Гитлер скрывал от своих генералов свой большой дипломатический успех, невозможно.

Лишь 20 сентября, судя по содержанию дневника Гальдера, русский вопрос становится для него ключевым. Вот первые записи за этот день:

«20 сентября 1939 года (среда).

Трения с Россией: Львов.

Разговор с генерал-полковником Браухичем.

Йодль: Действовать совместно с русскими. Немедленное совместное урегулирование разногласий на месте. Если русские настаивают на территориальных требованиях, мы очистим территорию.

Решено: Русские займут Львов. Немецкие войска очистят Львов. День позора немецкого политического руководства. Окончательное начертание демаркационной линии. Сомнительные вопросы оставлены открытыми. Не должно произойти никакого обострения политической обстановки. «Окончательная линия по реке Сан».

Браухичу [сообщить]: Дистанция – 10 км. Русские вперед не продвигаются (Кейтель!). Отходить постепенно. Ярослав, Перемышль, далее на юг – Турка. За четыре перехода.

Форман [докладывает]: Для удовлетворения настойчивых требований Ворошилова фюрер принял решение об окончательной демаркационной линии, о чем сегодня будет официально объявлено. [Она проходит по] р. Писса, р. Нарев, р. Висла, железная дорога вдоль Сана, Перемышль (от Хырова до перевала – неясно). Фюрер хочет, чтобы впереди этой линии не погиб ни один наш солдат.

Вейцеккер [запрос по телефону]: Какова же теперь окончательная линия?

Немецкий издатель дневников Гальдера в этом месте делает следующее примечание: *«Статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вейцзеккер ответил Гальдеру, что окончательное урегулирование вопроса о демаркационной линии будет осуществляться не министерством иностранных дел, а верховным главнокомандованием»*. Этот момент весьма существенный. Если бы раздел польской территории являлся следствием тайного политического соглашения, достигнутого в Москве, то и урегулировать его следовало по линии МИД. Но вопрос с обеих сторон решали военные, о чем свидетельствует, в частности, упоминание Гальдером *«настойчивых требований Ворошилова»*. Это указывает на то, что относительно Польши между Москвой и Берлином до начала войны никаких соглашений не существовало, а территориальные притязания Советского Союза стали следствием войны, и только поэтому с обеих сторон проблему на первом этапе решали генералы. Дипломаты подключились лишь в конце сентября.

Вот другие записи Гальдера, датированные тем же днем, 20 сентября:

«Вечером 3 октября немецкие войска должны перейти окончательную демаркационную линию. Политические переговоры относительно точного начертания этой линии еще продолжаются».

Большое значение придается непосредственной передаче нашими войсками всех важных объектов русским войскам (аэродромы, крупные города, вокзалы, важные в экономическом отношении объекты, с тем чтобы не допустить их разрушения). Переговоры вести через офицеров связи, которые будут устанавливать детали передачи объектов в каждом конкретном случае в зависимости от их величины и значения. Точный порядок будет выработан»...

...После доклада главкома фюрер согласился со следующим порядком: чисто военные причины вынуждают нас провести эвакуацию немецких войск за демаркационную линию в восемь этапов. Необходимое время – 14 дней, так как следует закончить или прервать еще продолжающиеся местами бои.

Русские могут вступить на теперешние передовые позиции немецких войск (черная линия), включая населенные пункты Белосток, Брест, Холм, 10 км западнее Львова, Дрогобыч, Борислав, к середине дня 22 сентября. Продвижение с этой линии на запад только в 6.00 25.9 скачками, от рубежа к рубежу. Рубежи будут сообщены к этому времени с указанием их на картах.

Эвакуация всех войск за демаркационную линию будет закончена 4.10. Между немецкими и русскими войсками постоянно должен быть промежуток в половину дневного перехода».

Далее в дневнике начальника штаба ОКВ приводятся многочисленные подробности о графике отвода немецких войск с передаваемой СССР территории и установлении демаркационной линии (в частности подчеркивается, что уступки в Галиции делаются Германией в обмен на Сувалки). Никаких намеков на то, что ранее существовали иные договоренности. В целом же «отход перед лицом Советов» высшим военным руководством Германии был воспринят негативно, как то следует из записей Гальдера.

Касаясь польской кампании, стоит затронуть еще один миф о якобы вероломном ударе Сталина в спину героически сражающейся Польше. Польская пропаганда на все лады перепевает старую песню о том, что если бы Советский Союз не вторгся в Польшу, то ляхи бы смогли продержаться до того момента, пока англо-французы ударят на западе и разгромят Германию. Между тем по состоянию на 17 сентября 1939 г., когда Красная Армия перешла западную границу СССР, Польша, как государство уже не существовало. Вся собственно польская территория страны кроме враждебных Польше восточных окраин, была оккупирована Германией, потеряны все промышленные районы. Бывшая столица, была полностью блокирована вермахтом, который не стал штурмовать Варшаву лишь во избежание бессмысленных потерь.

Польская армия расчленена, деморализована, разгромлена, и как единый боевой организм уже не существовала. Но даже когда она еще сохраняла относительную боеспособность, поляки не смогли нанести вермахту не то что чувствительного удара, но даже завязать сколь-нибудь эффективные оборонительные бои. Пассивное сопротивление поляки оказывали только в районе Модлина и Варшавы. Лодзинская группировка к тому времени уже капитулировала. Польские ВВС прекратили свое существование на четвертый день боевых действий, ВМФ еще раньше. Бронетанковые силы поляков были совершенно к тому времени разгромлены. Верховное командование бросило армию, правительство сбежало из страны. Англо-французские «союзники» 12 сентября официально пришли к заключению о полном поражении Польши и бессмысленности оказания ей помощи, хотя они поняли это еще 8 сентября.

Фото 6. Гейнц Гудериан (в центре) и Семён Кривошей (справа) наблюдают за прохождением войск вермахта и РККА при передаче Брест-Литовска 22 сентября 1939 советской администрации. В антисоветской литературе этот марш неизменно называют совместным парадом вермахта и РККА, хотя на самом деле это совершенно обычный ритуал при передаче города военными властями одной страны армии другого государства. Части Красной Армии вошли в город после ухода немцев.

Окаком сопротивлении агрессору в таком положении можно говорить? Как субъект международного права и фактически, и по строго формальным критериям Польша не существовала к 17 сентября 1939 г., и потому даже антисоветски настроенные европейские державы не нашли возможности обвинить СССР в нарушении принципов международного права в связи с Освободительным походом Красной Армии. Нынешние пропагандисты, особенно польские, из кожи вон лезут, чтобы убедить нас, будто Советский Союз всячески способствовал германскому вторжению в Польшу. Из одной агитки в другую кочует эпизод, в котором рассказывается, как советская сторона на базе минской вещательной радиостанции организовала радиомаяк для люфтваффе, бомбивших Варшаву. Довольно сдержанно об этом поведал читателям Михаил Мельтюхов:

1 сентября в 11 часов в НКВД явился советник германского посольства в Москве Г. Хильгер и сообщил о начале войны с Польшей, о присоединении Данцига к Германии и передал просьбу начальника генштаба германских ВВС, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передач время передавала для срочных воздушноплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками «Рихард Вильгельм 1.0», а кроме того, во время передач своей программы по возможности часто слово «Минск», Советская сторона согласилась передавать лишь слово «Минск», что использовалось люфтваффе в качестве радиомаяка¹⁴.

Как видим, дело обстоит с точностью наоборот. Советская сторона отказалась удовлетворить просьбу немцев о передаче в эфир ночью специального сигнала. Днём же, как нетрудно догадаться, в радиомаяке особой потребности нет. Совсем уж за уши притянута согласие как можно чаще использовать в радиопередачах слово «Минск». Минское радио и без того постоянно передает в эфир сигналы точного минского времени и новости, в которых невозможно обойтись без упоминания столицы Советской Белоруссии. То есть фактически начальник генштаба германских ВВС своим обращением ничего не добился. Использовать же минское радио в качестве маяка летчики люфтваффе могли и без всякого согласования с Москвой, просто настроив бортовые радиокompасы на соответствующую частоту. Обращает на себя внимание и такой факт: как утверждают мифотворцы, Сталин и Гитлер затеяли совместную агрессию против Польши, однако вопросы аэронавигации отчего-то заранее не решили. И вообще о начале войны советское правительство проинформировано лишь постфактум из уст второстепенного чиновника посольства. Нет уж, совместные агрессии так не осуществляются.

Из дневника Гальдера никак нельзя предположить, что разгром Польши был совместной акцией Германии и СССР. Вот очень характерная запись:

12 сентября. Разговор главкома с фюрером:

Русские, очевидно, не хотят выступать. [Они] хотят взять себе Украину (чтобы удержать французов от вмешательства). [Русские] считают, что поляки будут согласны заключить мир...

¹⁴ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. // <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/09.html>

...[Гитлер] готов удовлетвориться восточной частью Верхней Силезии и Польским коридором, если Запад не будет мешать.

Подобного рода свидетельства очень уж не вписываются в официальную версию событий, поэтому редактор русского издания «Военного дневника» дает здесь такое примечание: *«Как свидетельствуют документы, гитлеровцы намеревались полностью ликвидировать Польшу и польский народ, частично истребив его, а частично онемечив. См.: Pospieszalski, K. Hitlerowskie «prawo» okupacyi w Polsce. Poznan, 1952–1958»*. Да уж, ссылка на польское пропагандистское издание выглядит совсем не убедительно, но на официальные документы в этом случае сослаться нельзя по причине их отсутствия.

Сейчас трудно установить, что конкретно имел в виду начальник генштаба германских сухопутных сил, когда писал о намерении русских удержать французов от вмешательства. Не стоит забывать, что начиная с 3 сентября, немецкие генералы находились в постоянном страхе, ожидая удара англо-французов по Руру. Потому на любые события Гальдер неизбежно должен был смотреть сквозь призму вопроса: «А как это повлияет на Францию и Британию?». Эти записи он делал для себя лично, а не для посторонних, в них отражен его субъективный взгляд на происходящие события, чем этот источник и ценен. Вот что говорится в предисловии немецкого издания книги: *«Среди многочисленных документальных источников, относящихся к истории Второй мировой войны и вышедших после 1945 года, особого внимания, с точки зрения немцев, заслуживают личные записи начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника в отставке Франца Гальдера. В них более драматично и полнее, чем во всех других публикациях, отражается борьба за принятие важнейших стратегических решений в первой фазе войны. С этими, почти ежедневными, записями, уже давно известными науке как «Дневник Гальдера», связана личность военного деятеля, служебное положение которого превращало его в промежуточное звено между политическим и военным руководством. Он изложил на бумаге свои непосредственные впечатления и размышления безо всякой подготовки и последующих исправлений»*.

Дневник Гальдера в 1945 г. был захвачен американцами и ими же впервые издан. В СССР трехтомник «Военных дневников» выпущен в 1968–1971 гг. «Воениздатом», перевод выполнен с немецкого издания (*Haider F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1962–1964*). В дневниках мы не видим даже намека на существование неких предвоенных секретных договоренностей о разделе Польши. Наоборот, приводимые им сведения полностью опровергают версию о существовании «секретного протокола» от 23 августа 1939 г..

Молотов

Итак, вопрос, что называется, поставлен ребром: существовал ли подписанный Молотовым и Риббентропом «секретный дополнительный протокол» или нет? Компетентно ответить на него могли только Риббентроп и Молотов, возможно, посол Шуленбург. И еще, разумеется, Сталин и Гитлер. Свидетельства остальных персонажей, которые, дескать, «держали в руках», «видели собственными глазами» или «стояли за спиной» ни гроша не стоят, потому что ничем не могут быть подтверждены.

Шуленбург казнен нацистами в 1944 г., как участник заговора против Гитлера. Иоахим фон Риббентроп повешен по приговору Нюрнбергского трибунала в 1946 г. После были выпущены его мемуары (ниже рассмотрим их подробно), однако в их авторстве приходится сомневаться. Иосиф Виссарионович Сталин умер в 1953 г. Никаких свидетельств на сей счет он не оставил, при жизни советского вождя перед ним никто официально вопроса о «секретных протоколах» не поднимал – ни союзники по антигитлеровской коалиции, ни противники по холодной войне.

В 1948 г. в «Главполитиздате» вышла брошюра «Фальсификаторы истории», где резко критикуются попытки западных историков заглушать предвоенные старания Англии, Франции и США по поддержке гитлеровского государства, их потуги переложить ответственность за развязывание войны на СССР. Современные комментаторы чуть ли не хором заявляют, что эта книга явилась советским ответом на выпуск американцами скандального сборника «Нацистско-советские отношения. 1939–1941». Действительно, американскому сборнику там посвящено несколько строк во вступлении, однако из текста следует, что советскую сторону возмущают не столько попытки предать гласности компрометирующие документы, сколько провокационные действия бывших союзников, направленные на обострение текущей политической ситуации:

Чтобы как-нибудь оправдать в глазах общественного мнения одностороннее опубликование этого сборника непроверенных и произвольно надерганных записей гитлеровских чиновников, англо-американская печать пустила в ход выдуманное объяснение, будто «русские отвергли предложение Запада совместно опубликовать полный отчет о нацистской дипломатии».

Это заявление англо-американских кругов не соответствует действительности.

В действительности, дело обстояло так. Советское Правительство, в связи с появившимися летом 1945 года в иностранной печати сообщениями о начавшейся в Англии подготовке к опубликованию трофейных документов, захваченных в Германии, обратилось к Правительству Великобритании, настаивая на том, чтобы советские эксперты участвовали в совместной разработке немецких материалов, захваченных англо-американскими войсками. Советское Правительство считало недопустимым издание таких документов без общего согласования и, вместе с тем, не могло взять на себя ответственность за опубликование документов без тщательной и объективной проверки, так как опубликование указанных материалов без этих элементарных условий могло бы только привести к ухудшению отношений между государствами – членами антигитлеровской коалиции. Однако английское Министерство Иностранных Дел отклонило советское предложение, сославшись на то, что постановка Советским Правительством вопроса об обмене копиями захваченных гитлеровских документов является преждевременной.

Известно также, что 6 сентября 1945 года американская делегация в Политическом Директорате Контрольного Совета в Германии представила свой проект директив об обращении с германскими архивами и документами.

Этот проект предусматривал установление единого для всей Германии порядка сбора и хранения архивов, а также права доступа к ним представителей государств, входящих в Организацию Объединенных Наций. Предусматривалась также возможность снятия копий с документов и их издание. Это предложение рассматривалось на четырех заседаниях Политического Директората, но по просьбе англичан и американцев было отложено под предлогом отсутствия у них указаний, а затем после заявления американского представителя, что Правительство США готовит новое предложение и просит представленный проект считать недействительным, вопрос с повестки дня Политического Директората был снят.

Таким образом, заявление, что якобы Советское Правительство отказалось от участия в подготовке публикации германских архивных материалов, является ложным...

...Даже французское правительственное агентство Франс Пресс вынуждено признать, что порядок публикации материалов, преданных гласности тремя Правительствами без ведома Советского Союза, «не совсем соответствует нормальной дипломатической процедуре»¹⁵.

Вряд ли есть повод приписывать авторство брошюры Сталину, что некоторые пытаются сделать, лишь на том основании, что она издана без указания авторства от имени Совинформбюро при Совете Министров СССР. Однако учитывая, что в очерке «Фальсификаторы истории» изложена каноническая советская оценка предвоенного периода, а также то, что председателем Совмина был в тот момент Сталин, можно считать, что в нем нашла отражение точка зрения самого Иосифа Виссарионовича. Если так, то он назвал госдеповскую публикацию фальсификацией.

Гитлер покончил самоубийством 29 апреля 1945 г. Перед этим он в присутствии Йозефа Геббельса, Мартина Бормана, Вильгельма Бургдерфа и Ганса Кребса составил политическое завещание, в котором подробно коснулся обстоятельств, приведших к войне:

«Это неверно, будто я или кто-то другой в Германии желал в 1939 г. войны. Ее желали и развязали исключительно интернациональные государственные деятели либо еврейского происхождения, либо работавшие на еврейские интересы. Я вносил множество предложений по сокращению и ограничению вооружения, которые грядущие поколения не смогут вечно отрицать, чтобы возложить ответственность за возникновение этой войны на меня. Далее, я никогда не хотел, чтобы после первой злосчастной мировой войны возникла Вторая мировая война против Англии или тем более против Америки. Пройдут века, но из руин наших городов и памятников искусства будет постоянно вырастать обновляющаяся ненависть к тому народу, который в конечном счете несет ответственность за все это, к тому народу, которому мы обязаны всем этим: к интернациональному еврейству и его пособникам»¹⁶.

Итак, прозвучали обвинения в адрес международного еврейства и Англии. Ни единого слова о коварстве Сталина и Молотова, ни малейшего упоминания о «секретных протоколах». А ведь на завершающем этапе войны Гитлер единственный шанс в спасении Германии видел в возможности политического раскола в стане союзных держав. Сам бог велел ему сыграть на польско-советских противоречиях, придав огласке «секретный протокол». Самому Гитлеру это уже ничем помешать не могло, его репутацию испортить просто невозможно. А Советскому Союзу пришлось бы объясняться с союзниками. Легко можно предположить, какую истерику обнародование «секретного протокола» вызвало бы у лондонских поляков и как это ударило бы по престижу Великобритании (сна, как помним, была гарантом польской независимости).

¹⁵ <http://oldgazette.ru/lib/sovinformburo/index.html>

¹⁶ http://militera.lib.ru/docs/ww2/leaders/speeches/hitler_1945-04-29.html

Но ни Гитлер, ни признанный мастер пропагандистской войны Геббельс до этого не додумались. Отчего же так?

Остается последний участник «сговора века» – Вячеслав Михайлович Молотов, чей автограф, якобы стоит на всех «секретных протоколах». Молотов не оставил мемуаров, однако в течение последних 17 лет его жизни беседы с ним записывал литератор Феликс Чуев. В 1991 г. он выпустил книгу «Сто сорок бесед с Молотовым», в которой зафиксированы датированные высказывания бывшего сталинского наркома, Привожу подборку цитат из книги по рассматриваемой теме.

Вопрос о Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии и Бессарабии мы решили с Риббентропом в 1939 году. Немцы неохотно шли на то, что мы присоединим к себе Латвию, Литву, Эстонию и Бессарабию. Когда через год, в ноябре 1940 года, я был в Берлине, Гитлер спросил меня: «Ну, хорошо, украинцев, белорусов вы объединяете вместе, ну, ладно, молдаван, это еще можно объяснить, но как вы объясните всему миру Прибалтику?»

Я ему сказал: «Объясним».

Коммунисты и народы Прибалтийских государств высказались за присоединение к Советскому Союзу. Их буржуазные лидеры приехали в Москву для переговоров, но подписать присоединение к СССР отказывались. Что нам было делать? Я вам должен сказать по секрету, что я выполнял очень твердый курс. Министр иностранных дел Латвии приехал к нам в 1939 году, я ему сказал: «Обратно вы уж не вернетесь, пока не подпишете присоединение к нам».

Из Эстонии к нам приехал военный министр, я уж забыл его фамилию, популярный был, мы ему то же сказали. На эту крайность мы должны были пойти. И выполнили, по-моему, неплохо.

Я в очень грубой форме вам это представил. Так было, но все это делалось более деликатно.

– Но ведь первый приехавший мог предупредить других, – говорю я.

– А им деваться было некуда. Надо же как-то обезопасить себя. Когда мы предъявили требования... Надо принимать меры вовремя, иначе будет поздно. Они жались туда-сюда, буржуазные правительства, конечно, не могли войти в социалистическое государство с большой охотой. А с другой стороны, международная обстановка была такова, что они должны были решать. Находились между двумя большими государствами – фашистской Германией и советской Россией. Обстановка сложная. Поэтому они колебались, но решились. А нам нужна была Прибалтика...

С Польшей мы так не смогли поступить. Поляки непримиримо себя вели. Мы вели переговоры с англичанами и французами до разговора с немцами: если они не будут мешать нашим войскам в Чехословакии и Польше, тогда, конечно, у нас дела пойдут лучше. Они отказались, поэтому нам нужно было принимать меры хоть частичные, мы должны были отдалить германские войска.

Если бы мы не вышли навстречу немцам в 1939 году, они заняли бы всю Польшу до границы. Поэтому мы с ними договорились. Они должны были согласиться. Это их инициатива – Пакт о ненападении. Мы не могли защищать Польшу, поскольку она не хотела с нами иметь дело. Ну и поскольку Польша не хочет, а война на носу, давайте нам хоть ту часть Польши, которая, мы считаем, безусловно, принадлежит Советскому Союзу.

И Ленинград надо было защищать. Финнам мы так не ставили вопрос, как прибалтам. Мы только говорили о том, чтобы они нам часть территории возле Ленинграда отдали. От Выборга. Они очень упорно себя вели.

Мне много приходилось беседовать с послом Паасикиви – потом он стал президентом. По-русски говорил кое-как, но понять можно. У него дома была хорошая библиотека, он

читал Ленина. Понимал, что без договоренности с Россией у них ничего не получится. Я чувствовал, что он хочет пойти нам навстречу, но противников было много.

24.07.1978

– Финляндию пощадили как! Умно поступили, что не присоединили к себе. Имели бы рану постоянную. Не из самой Финляндии – эта рана давала бы повод что-то иметь против Советской власти...

Там ведь люди очень упорны, очень упорны. Там меньшинство было бы очень опасно.

А теперь понемногу, понемногу можно укрепить отношения. Демократической ее сделать не удалось, так же как и Австрию.

Хрущев отдал финнам Порккала-Удд. Мы едва ли отдали бы.

С китайцами из-за Порт-Артура портить отношения не стоило, конечно. И китайцы держались в рамках, не ставили своих пограничных территориальных вопросов. А вот Хрущев толкнул...

28.11.1974

– А Бессарабию мы никогда не признавали за Румынией. Помните, она была у нас заштрихована на карте? Так вот, когда она нам понадобилась, вызываю я этого Гэфенку, даю срок, чтоб они вывели свои войска, а мы введем свои.

– Вы вызвали Гэфенку, румынского посла?

– Да, да.

«Давайте договариваться. Мы Бессарабию никогда не признавали за вами, ну а теперь лучше договариваться, решать такие вопросы». Он сразу: «Я должен запросить правительство». Конечно, раскис весь. «Запросите и приходите с ответом». Пришел потом.

– А с немцами вы обговаривали, что они не будут вам мешать с Бессарабией?

– Когда Риббентроп приезжал, мы тогда договорились. Попутно мы говорили непосредственно с Румынией, там контактировали.

– Гитлер им сказал: «Отдайте, я скоро верну!»

– Они под его руководством всё время... В 1939 году, когда приезжал Риббентроп, я тогда не очень хорошо знал географию, – говорит Молотов вроде серьезно, кто его не знает, может, так бы и понял, – границы между государствами: Россией, Германией и Австро-Венгрией. Предъявляю требование: границу провести так, чтобы Черновицы к нам отошли. Немцы мне говорят: «Так никогда же Черновиц у вас не было, они всегда были в Австрии, как же вы можете требовать?» – «Украинцы требуют! Там украинцы живут, они нам дали указание!» – «Это ж никогда не было в России, это всегда была часть Австрии, а потом Румынии!» – посол Шуленбург говорит. «Да, но украинцев надо же воссоединить!» – «Там украинцев-то... Вообще не будем решать этот вопрос!» – «Надо решать. А украинцы теперь – и Закарпатская Украина, и на востоке тоже украинская часть, вся принадлежащая Украине, а тут что же, останется кусок? Так нельзя. Как же так?»

Как это называется... Буковина.

Вертелся, вертелся, потом: «Я доложу правительству». Доложил, и тот (Гитлер) согласился.

Никогда не принадлежавшие России Черновицы к нам перешли и теперь остаются. А в тот момент немцы были настроены так, что им не надо было с нами портить отношения, окончательно разрывать. По поводу Черновиц все прыгали и только удивлялись.

Окончательное разграничение было после войны. Некоторые удивлялись: при чем тут Черновицы и Россия? Никогда такого не было!

...В дураках мы не были. И никто, по крайней мере, из наших противников и сторонников нас не считал за дураков. Не помню такого случая.

25.04.1975, 30.09.1981

– О вас много говорят западные радиостанции, ругают Сталина и вас.

– Было бы хуже, если б хвалили, – скупно замечает Молотов.

– Они говорят: «Немного есть в истории людей, именами которых названы межгосударственные границы». Имеют в виду линию «Риббентроп – Молотов». А почему бутылки с горючей смесью в войну называли «Молотов-коктейль»? Вы же не имели к ним никакого отношения...

– Придумали... Смесью. Смешал русских и немцев.

– Считают вас одним из главных поджигателей войны: мол, вы договором с Риббентропом развязали руки Гитлеру...

– Будут говорить.

01.08.1984

– Когда мы принимали Риббентропа, он, конечно, провозглашал тосты за Сталина, за меня – это вообще был мой лучший друг, – щурит глаза в улыбке Молотов. – Сталин неожиданно предложил: «Выпьем за нового антикоминтерновца Сталина!» – издевательски так сказал и незаметно подмигнул мне. Подиутыл, чтобы вызвать реакцию Риббентропа. Тот бросился звонить в Берлин, докладывает Гитлеру в восторге. Гитлер ему отвечает: «Мой гениальный министр иностранных дел!» Гитлер никогда не понимал марксистов.

09.07.1971

– Мне приходилось поднимать тост за Гитлера как руководителя Германии.

– Это там, в Германии?

– Здесь, на обеде. Они поднимали тост за Сталина, я – за Гитлера. В узком кругу. Это же дипломатия. (Во время приема в честь Риббентропа стол вел Молотов. Когда он предоставил слово Сталину, тот произнес тост «за нашего наркома путей сообщения Лазаря Кагановича», который сидел тут же, за столом, через кресло от фашистского министра иностранных дел. «И Риббентропу пришлось выпить за меня!» – рассказывал мне Л. М. Каганович. – Ф. Ч.)

12.03.1982

– Ходят разговоры о том, что перед войной вы со Сталиным, чтобы задобрить Гитлера, решили отдать ему Прибалтику...

– Это не имеет ничего общего с действительностью. Мы прекрасно понимали, что Гитлера подобный шаг не только не остановит, но, наоборот, разожжет его аппетит. А нам самим пространство нужно.

– Писатели это говорят...

Писатели могут быть обывательского толка. Абсолютная ерунда. Прибалтика нам самим была нужна.

17.07.1975

– На Западе упорно пишут о том, что в 1939 году вместе с договором было подписано секретное соглашение...

– Никакого.

– Не было?

– Не было. Нет, абсурдно.

– Сейчас уже, наверно, можно об этом говорить.

– Конечно, тут нет никаких секретов. По-моему, нарочно распускают слухи, чтобы как-нибудь, так сказать, подмочить. Нет, нет, по-моему, тут все-таки очень чисто и ничего похожего на такое соглашение не могло быть. Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимаясь этим делом, могу твердо сказать, что это, безусловно, выдумка.

29.04.1983

...Спрашиваю у Молотова не в первый раз:

– Что за секретный протокол был подписан во время переговоров с Риббентропом в 1939 году?

– Не помню.

– Черчилль пишет, что Гитлер не хотел уступать вам Южную Буковину, что это сильно затрагивало германские интересы, и она не упоминается в секретном протоколе.

– Ну, ну.

– И призывал вас присоединиться к тройственному союзу.

– Да. Негодяй. Это просто, так сказать, для того, чтобы замазать дело. Игра, игра, довольно такая примитивная.

– А вы сказали, что не знаете мнения Сталина на этот счёт. Вы, конечно, знали?

– Конечно. С Гитлером нельзя было держать душу нараспашку.

09.03.1986

– Гитлер – крайний националист, – говорит Молотов, – ослепленный и тупой антикоммунист.

– Сталин с ним не встречался?

– Нет, я один имел такое удовольствие. Сейчас тоже есть подобные ему. Поэтому нам надо вести политику очень осторожно и твердо.

09.05.1985

– Гитлер... Внешне ничего такого особенного не было, что бросалось бы в глаза. Но очень самодовольный, можно сказать, самовлюбленный человек. Конечно, не такой, каким его изображают в книгах и кинофильмах. Там бьют на внешнюю сторону, показывают его сумасшедшим, маньяком, а это не так. Он был очень умен, но ограничен и туп в силу самовлюбленности и нелепости своей изначальной идеи. Однако со мной он не психовал. Во время первой беседы он почти все время говорил один, о я его подталкивал, чтоб он еще что-нибудь добавил. Наиболее правдиво наши встречи с ним описаны у Бережкова, в художественной литературе на эту тему много надуманной психологии.

Гитлер говорит: «Что же получается, какая-то Англия, какие-то острова несчастные владеют половиной мира и хотят весь мир захватить – это же недопустимо! Это несправедливо!»

Я отвечаю, что, конечно, недопустимо, несправедливо, и я ему очень сочувствую.

«Это нельзя считать нормальным», – говорю ему. Он приободрился.

Гитлер: «Вот вам надо иметь выход к теплым морям. Иран, Индия – вот ваша перспектива». Я ему: «А что, это интересная мысль, как вы это себе представляете?» Втягиваю его в разговор, чтобы дать ему возможность выговориться. Для меня это несерьезный разговор, а он с пафосом доказывает, как нужно ликвидировать Англию и толкает нас в Индию через Иран. Невысокое понимание советской политики, недалекий человек, но хотел втащить нас в авантюру, а уж когда мы завязнем там, на юге, ему легче станет, там мы от него будем зависеть, когда Англия будет воевать с нами. Надо было быть слишком наивным, чтобы не понимать этого.

А во второй нашей с ним беседе я перешел к своим делам. Вот вы, мол, нам хорошие страны предлагаете, но, когда в 1939 году к нам приезжал Риббентроп, мы достигли договоренности, что наши границы должны быть спокойными, и ни в Финляндии, ни в Румынии никаких чужих воинских подразделений не должно быть, а вы держите там войска! Он: «Это мелочи».

Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими государствами, если они хотят договориться, существует разделение: это ваша сфера влияния, а это наша. Вот с Риббентропом мы и договорились, что границу с Польшей проводим так, а в Финляндии и Румынии никаких иностранных войск. «Зачем вы их держите?» – «Мелочи». – «Как же мы с вами можем говорить о крупных вопросах, когда по второстепенным не можем договориться действовать согласованно?» Он – своё, я – своё. Начал нервничать. Я – настойчиво, в общем, я его допёк.

06.12.1969, 09.07.1971

А Гитлер удивляется, почему я настаиваю, такая мелочь второстепенная, можно уладить... Я ему: «Давайте уладим!» Он в ответ что-то неопределенное.

22.06.1971

Гитлер – среднего роста, такого же, примерно, как я. Гитлер, конечно, говорил, остальные позволяли себе некоторые дополнения, объяснения, вопросы...

Он меня хотел агитировать. И чуть не агитировал, – иронически щурится Молотов. – Все меня агитировал, агитировал, как нам надо вместе, Германии и Советскому Союзу, против Англии объединиться. «Англия уже почти разбита». – «Как же разбита – не совсем пока разбита!» – «Мы с ней скоро закончим, а вы куда-нибудь на юг, к теплым морям, берите Индию».

Я слушаю его с большим интересом. А он меня всячески агитирует. Сильный? Какой он сильный! Потому что одиозный очень, националист крайний, шовинист, который ослеплен своими идеями. Хотел возвеличить Германию и все придавить под её пятой.

От критики большевиков воздерживался. Дипломатически, конечно, как же иначе можно вести переговоры? Если хочешь о чем-нибудь договориться и будешь в лицо плевать... Приходилось разговаривать по-человечески. Приходилось говорить.

После бесед с Гитлером я посылал телеграммы Сталину, каждый день довольно большие телеграммы – что я говорю, что Гитлер говорит. А когда встретились со Сталиным, побеседовали, он говорит: «Как он терпел тебя, когда ты ему все это говорил!»

Ну пришлось терпеть. Он спокойным голосом говорил, не ругался. Хотя доказывал. «Хотите с нами заключительное соглашение?»

Когда приезжал Риббентроп в 1939 году мы договорились, а в сентябре-октябре уже свое взяли. А иначе нельзя. Время не теряли. И договорились, что в пограничных с нами государствах, в первую очередь в Финляндии, которая находится на расстоянии пятидесяти километров от Ленинграда, не будет немецких войск. И в Румынии – пограничное с нами государство – там не будет никаких войск, кроме румынских. «А вы держите и там, и там большие войска». Политические вопросы. Мы много говорили.

Он мне: «Великобритания – вот об этом надо разговаривать». Я ему: «И об этом поговорим. Что вы хотите? Что вы предлагаете?» – «Давайте мы мир разделим. Вам надо на юг, к теплым морям пробыть».

Он мне снова: «Вот есть хорошие страны...» А я: «А вот есть договоренность через Риббентропа в 1939 году что вы не будете в Финляндии держать войска, а вы там держите

войска, когда это кончится? Вы и в Румынии не должны держать войска, там должны быть только румынские, а вы там держите свои войска, на нашей границе. Как это так? Это противоречит нашему соглашению». – «Это мелочь. Давайте о большем вопросе договариваться».

Мы с ним так и не договорились, потому что я ему свое говорю: «Это не ответ. Я вам поставил вопрос, а вы не даете никакого ясного ответа, а я прошу дать ясный ответ». На этом мы должны были их испытать, хотят ли они, действительно, с нами улучшить отношения, или это сразу наткнется на пустоту, на пустые разговоры. Выяснилось, что они ничего не хотят нам уступать. Толкать толкали, но все-таки они имели дело не просто с чудачками – это он (Гитлер) тоже понимал. Мы, со своей стороны, должны были прощупать его более глубоко, насколько с ним можно серьезно разговаривать. Договорились выполнять – не выполняют. Видим, что не хотят выполнять. Мы должны были сделать выводы, и они, конечно, сделали вывод.

16.11.1973

– Был ли смысл для немцев встречаться с вами в 1940 году?

– Они нас хотели втянуть и одурачить насчет того, что бы мы выступили вместе с Германией против Англии. Гитлеру желательно было узнать, можно ли нас втянуть в авантюру. Они остаются гитлеровцами, фашистами, а мы им помогаем. Вот удастся ли нас в это втянуть?

Я ему: «А как вы насчет того, что нас непосредственно касается, вы согласны выполнить то, что вы обязаны выполнить?»

И выяснилось, конечно, что он хотел втянуть нас в авантюру но, с другой стороны, и я не сумел у него добиться уступок по части Финляндии и Румынии.

08.03.1974

– Сталин был крупнейший тактик. Гитлер ведь подписал с нами договор о ненападении без согласования с Японией! Сталин вынудил его это сделать. Япония после этого сильно обиделась на Германию, и из их союза ничего толком не получилось. Большое значение имели переговоры с японским министром иностранных дел Мацукокой. В завершение его визита Сталин сделал один жест, на который весь мир обратил внимание: сам приехал на вокзал проводить японского министра. Этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не встречал и не провожал. Японцы, да и немцы, были потрясены. Поезд задержали на час. Мы со Сталиным крепко напоили Мацуоку и чуть ли не внесли его в вагон. Эти проводы стоили того, что Япония не стала с нами воевать. Мацуока у себя потом заплатил за этот визит к нам...

29.04.1982¹⁷

Какова достоверность чуевской публикации? Внук Молотова, экс-депутат Государственной думы РФ Вячеслав Алексеевич Никонов в интервью журналу «Вестник online» (№ 16(327), 2003 г.) так выразил отношение к ней: «Чуев действительно приезжал к деду и, гуляя, беседовал с ним. Но при этом держал – в тайне от собеседника! – в кармане диктофон. Не очень этично, согласны? Одно дело – вы беседуете приватно, за обедом или на прогулке, другое – даете официальное интервью. Даже незавизированное интервью лучше, чем такая, исподтишка записанная «беседа». Дед текста, естественно, не видел, не правил, даже не подозревал о его существовании. Поэтому в этой книге дед предстает недалеким человеком. Чуевская манера подачи материала опускает человека. Этого я Чуеву не простил. С другой стороны,

¹⁷ <http://lib.rus.ec/b/92433/read#t167>

в своих беседах с дедом Чуев зафиксировал некоторые моменты, которые не удержала моя память...»¹⁸

Должен согласиться с Никоновым. Об авторе складывается впечатление, как о недалеком человеке, склонном к самолюбованию и позерству. Никакой исследовательской глубины в беседах не чувствуется, это лишь бытовые разговоры на примитивном обывательском уровне. Но, как пишет Чуев, Молотов *«умел общаться с людьми разного уровня развития и образованности»*. Выходит, что недалеким человеком Молотов предстает потому, что подстраивался под уровень развития своего собеседника.

Действительно, материал для печати и приватная беседа не могут быть равноценны. В разговорной речи, как считают психологи, 80 % информации передается невербальными средствами. Интонация меняет смысл сказанного на противоположный. Как мы можем сегодня интерпретировать приведенный ниже фрагмент беседы?

...Спрашиваю у Молотова не в первый раз:

– Что за секретный протокол был подписан во время переговоров с Риббентропом в 1939 году?

– Не помню.

– Черчилль пишет, что Гитлер не хотел уступать вам Южную Буковину, что это сильно затрагивало германские интересы, и она не упоминается в секретном протоколе.

– Ну, ну.

– И призывал вас присоединиться к тройственному союзу.

– Да. Негодяй. Это просто, так сказать, для того, чтобы замазать дело. Игра, игра, довольно такая примитивная.

Молотовские слова «не помню» могли означать, что он действительно не помнил о протоколе, так как на 97-м году жизни страдал склерозом, или то, что он не желает говорить на эту тему. Вероятно, сказано это было с возмущением, и сопровождалось жестом, который собеседник должен был понимать, как решительное отрицание факта подписания протокола. Междометие «ну, ну» в ответ на вопрос о Южной Буковине можно с одинаковыми основаниями считать и согласием и отрицанием. И кого же, спрашивается, Молотов назвал негодяем – Гитлера, пытающегося вовлечь СССР в орбиту своей политики или Черчилля, который пишет брехню про секретный протокол? Литератор из Чуева более чем посредственный, а историкограф вообще никакой.

Возникает вопрос и о достоверности воспроизведения слов Вячеслава Михайловича. Никонов считает, что Чуев пользовался диктофоном. Если аудиозаписи уцелели, они представляют большую историческую ценность. Но, вообще говоря, вариант с аудиозаписью сомнителен. В 1969 г., когда Чуев стал регулярно общаться с Молотовым, портативными диктофонами обладали разве что сотрудники спецслужб, а журналисты вплоть до начала 1990-х годов использовали в работе здоровущие магнитофоны, сначала бобинные, потом кассетные, которые носили в угловатом кожаном кофре, перекидывая ремень через плечо. Сам Чуев утверждает, что точно передает содержание четырехчасовых бесед благодаря своей феноменальной памяти, о чем он многословно хвастает во вступлении к книге. Вполне возможно, что публикация подверглась идеологической цензуре, ведь, по словам автора, из 5 тысяч страниц записей бесед для публикации было отобрано лишь 700. Наконец, нет гарантии, что диалоги не сфабрикованы самим Чуевым. Не все, разумеется, а лишь наиболее значимые в пропагандистском смысле. Ведь книга вышла в 1991 г., в самый разгар сепаратистского шабаша, и антисо-

¹⁸ <http://www.vestnik.com/issues/2003/0806/win/nuzov.htm>

ветчикам были ценны даже косвенные признания в том, что по отношению прибалтийских республик в 1939–1940 гг. было осуществлено насилие.

Тем не менее, даже эти тенденциозно представленные молотовские откровения представляют для нас определенный интерес. Факт наличия договоренностей с Риббентропом относительно сопредельных с СССР стран Восточной Европы Вячеслав Михайлович не скрывает, говоря об этом довольно откровенно: мол, Прибалтика нам самим нужна, с Финляндией мы мудро поступили, Бессарабию за Румынией не признавали. Но при этом в беседе от 29 апреля 1983 г. факт подписания «секретных протоколов» решительно отрицает, называя это абсурдом. Какой смысл признавать устную договоренность с немецким министром, но отрицать факт подписания соглашения на бумаге?

Далее, приводя подробности берлинских переговоров с Гитлером, Молотов неоднократно требует вывести войска из Финляндии и Румынии, ссылаясь на обещания Риббентропа:

Когда приезжал Риббентроп в 1939 году мы договорились, а в сентябре-октябре уже своё взяли. А иначе нельзя. Время не теряли. И договорились, что в пограничных с нами государствах, в первую очередь в Финляндии, которая находится на расстоянии пятидесяти километров от Ленинграда, не будет немецких войск. И в Румынии – пограничное с нами государство – там не будет никаких войск, кроме румынских. «А вы держите и там, и там большие войска»...

...Он мне: «Великобритания – вот об этом надо разговаривать». Я ему: «И об этом поговорим. Что вы хотите? Что вы предлагаете?» – «Давайте мы мир разделим. Вам надо на юг, к теплым морям пробиться».

Он мне снова: «Вот есть хорошие страны...» А я: «А вот есть договоренность через Риббентропа в 1939 году что вы не будете в Финляндии держать войска, а вы там держите войска, когда это кончится? Вы и в Румынии не должны держать войска, там должны быть только румынские, а вы там держите свои войска, на нашей границе. Как это так? Это противоречит нашему соглашению».

Допустим на минуту, что в августе 1939-го был-таки подписан пресловутый «секретный протокол». В этом случае Молотов должен был предъявить его Гитлеру и потребовать строгого соблюдения Германией взятых на себя обязательств, поскольку Риббентроп подписал его от имени немецкого правительства. Но в том-то и дело, что в известном нам протоколе нет никаких условий относительно возможности пребывания иностранных войск в Румынии и Финляндии. Либо это соглашение было устным, что вероятнее всего, либо Молотов ссылается на соглашение, нам совершенно неизвестное. В любом случае получается, что американская фотокопия «секретного протокола» – фальшивка.

Молотов беседовал о протоколах не только с Чуевым. Вот какое свидетельство о встрече с Вячеславом Михайловичем 15 октября 1983 г. оставил профессор Георгий Александрович Куманев в своей книге «Говорят сталинские наркомы»:

«Я сразу задаю вопрос о секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года. Был ли в действительности такой дополнительный протокол?»

– Трудный вопрос затронули, – замечает Молотов. – Ну, в общем, мы с Риббентропом в устном плане обо всем тогда договорились».

Кто-то скажет: какая разница, устно Молотов с Риббентропом поделили Европу или зафиксировали условия сделки на бумаге? Но дело-то в том, что об устных соглашениях, которые заключили представители двух крупнейших держав Европы, нам ничего не известно.

Абсолютно НИ-ЧЕ-ГО. Поэтому нет никаких оснований считать их гипотетические договоренности аморальными, а тем более преступными. И речь я веду совсем не об этом, а о том, как через полвека после подписания советско-германского пакта о ненападении банда предателей руками толпы дебилов уничтожила Советский Союз, используя в качестве мощной дубинки ложь о «секретных протоколах», которых не существовало. Да, сегодня вопрос о возрождении империи не стоит (пока не стоит?) в повестке дня, но толпа дебилов за 20 лет «свободы» не поумнела. И потому предатели продолжают добивать страну, используя те же методы и приемы. Может быть, пришла пора задуматься, под чью дудку вы пляшете, миллионы бывших совграждан?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.